

ПРО СОСЕДЕЙ

Викентий Петрович с супругой Ниной Андреевной живут в однокомнатной квартирке на первом этаже, и я давно уже кладу в их почтовый ящик свежий номер своей газеты. Они живут бедно и при встрече тепло благодарят. А недавно Викентий Петрович вдруг рассказал мне, как они с женой познакомились. Я-то думал, что эти старички могут и золотую свадьбу отметить — так они спокойны и дружны; оказалось, нет: их совместной жизни всего лет семь.

Дело было так. Однажды Нина Андреевна проголодалась на ночь, что случалось с ней крайне редко, решила — а, ладно! — и пожарила себе картошки. Присела за стол у окна, и вдруг в это окно с решеткой кто-то постучал. Она испугалась, сдвинула штору и увидела изможденное бородастое лицо.

— Вы кто? Я милицию сейчас вызову! — вскрикнула она.

— Сударыня, — ответил мужик, — умоляю, не надо милиции... Просто запах вашей картошки меня последних сил лишает. Не могли бы вы дать мне хотя бы хлеба кусочек, а то умру я тут, под окном. А я хоть и бомж, но ленинградский учитель. Бывший, разумеется.

— Какой еще учитель? И что вы делаете под моим окном? — удивилась она.

— Словесности, — ответил он. — А здесь я переспать собрался. По пути в теплые края. В Ленинграде холода наступают, не выживу я там.

Помолчав, она спросила:

— А Хемингуэя как звать? А друга его, тоже писателя?

— Эрнест, — сказал он, — а друга-писателя — Фицджеральд. Фрэнсис он. Скотт, извините.

— А Вересаева?

— Тезка он мне — Викентий. И папа его был Викентием. «Записки врача» — моя настольная книга. Но стол мой вместе с книгами и квартирою отошел разбойникам.

Тогда она предложила бомжу зайти и поесть картошки, пока не остыла. Из последних сомнений спросила: а вы не алкоголик?

— Раньше не пил, не курил, теперь иногда бывает, — честно признал он. — Бытие мое...

И он зашел. И остался навсегда.

Они даже в магазин ходят вместе, тихо о чем-то разговаривая. Одеты бедно, но чисто.

Зачем я все это пишу? А просто приятно.

КНИГА — ХУДСИЙ ПОДАРОК?

В ВГУ, «Никитинке» и книжном клубе «Петровский» прошли конференции «Книга в современном мире» с участием филологов, краеведов, библиотекарей, сотрудников музеев, издателей и служителей церкви. Большого интереса воронежцев они не вызвали. Даже наоборот: сообщения о конференции породили в соцсетях и блогах дружные комментарии о том, что лучшая книжка в наше время — чековая, что художественная литература — формат устаревший, читают ее только «ботаники», а настоящая культура будущего — кино, компьютерные игры и комиксы! А также пиво под футбол и попкорн под «Дом-2».

У кого-то сквозил классовый подход: мол, богатым делать нечего, вот они и читают, что ни попадя, а нам пахать надо, семью кормить; некогда тут баловством заниматься.

Другие демонстрировали осознанную необходимость: профессионалу, занятому любимым делом, инженер он, менеджер или банкир, куда важнее техническая и экономическая литература, чтоб расти над собой, а художественная — это дело древнегреческих философов, под винцо рассуждающих о жизни. Или современных мажоров, чтоб понты кидать, какие они, блин, элитные, «образованность свою показать хочут».

Были и умудренные жизнью: «Ни к чему хорошему чтение художественной литературы не приводит. Денег от этого точно больше не станет. С годами понимаешь: пустое это все, на более практичные дела надо было время тратить».

И даже идеологи: «Компьютерные игры формируют новое поколение. В них есть и сюжет, и мораль, и образовательные возможности. Никакого смысла в художественной литературе больше нет, она осталась в прошлом».

Кто-то привел заметку с воронежского портала Горком36 под названием «Воронежская культура прирастает комиксами» и назвал ее свидетельством жуткой деградации — о том, что комиксы в России выпускают уже

десятки издательств, в кино выходит все больше фильмов о жизни супергероев, а в некоторых университетах даже появились курсы рисования комиксов! Что в Воронеже спрос на печатные комиксы вырос за год в 2,5 раза, а средняя цена на них — на 87,2 процента, наибольшее количество поклонников комиксов живет в Москве — почти половина от общего спроса. А на втором месте — наша культурная столица, Санкт-Петербург.

Я показал эти комментарии заведующей библиотекой, и она согласилась: да, история идет по спирали, и мы возвращаемся в первобытнообщинный строй, но с интернетом. Несчастное поколение — гордятся убожеством... Невероятно. Нам предлагают громадный житейский опыт: берите, пользуйтесь — даром! Нет, не берут.

Большинству не нужны литература, музыка, поэзия, изобразительное искусство; богатейший опыт человеческих душ им заменили комиксы и стрелялки.

Но главные духовные ценности населения этой планеты сохранит та малая его часть, которой все это — нужно. Они прошли многие уровни квеста нашей жизни, и могли бы сделать ее яснее и лучше. Но их пароли и секреты нынче мало востребованы.

На встречах со школьниками я не раз признавал: не читают они книг. У них соцсети, ютуб, а роскоши общения с мудрейшими и интереснейшими людьми планеты они лишены и предпочитают анонимно общаться друг с дружкой, напоминая туристов, заплутавших в лабиринте, — и что толку от их поисков, если они слепы, а в помощи зрячих не нуждаются?

Ага, ребенок потерялся в джунглях интернета, и его воспитала стая соцсетей.

А мы когда-то упивались книжками, читали их даже по ночам, прячась под одеялом с фонариком, и делились с друзьями. Читали и потом, став взрослыми, под прессом семейных забот, и мечтали на пенсии спокойно получать от любимых книг весь мир в кармане, и торжество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь.

Но, несмотря на океан информации в интернете, книга по-прежнему остается основным источником нефейковых знаний.

ИНЖЕНЕРЫ И МЕРЧЕНДАЙЗЕРЫ

«Ах, Таня, Таня, Танечка, с ней случай был такой: служила наша Танечка в столовой заводской...» Какая светлая песенка! И как уважаемы были все эти люди — и Танечка, и слесари заводские... Трудно избавиться от ностальгии по временам, когда главным в жизни были не деньги, а множество иных смыслов. И как-то связано было с этой песенкой, что даже в области балета мы впереди планеты всей.

Было что-то волшебное в том, как поет морзянка за стеной веселым дискантом, кругом тайга, хоть сотни верст исколеси, четвертый день пурга качается над Диксоном... Но что-то случилось с нами, ушли в небытие физики и лирики, а бородастые романтики с рюкзаками исчезли в тайге. Костер, переплетенный с интимной звездной бездной и гитарной мелодией, заменило лазерное шоу, а сами гитары истлели на чердаках и в кладовках.

Воронеж, бывший городом инженеров, знавших досконально закон Ома и шахматные эндшпили, читавших по ночам Булгакова и Солженицына, оккупировали мерчендайзеры, и человека стали измерять не порядностью, а кошельком. Раньше здесь вставали, когда входит женщи-

на, и могли дать пощечину хаму, а теперь толкаются на дорогах боками своих иномарок и возят в багажниках бейсбольные биты.

Завет «будьте, как дети» забыт, и теперь даже юные мечтают кощери чохнуть над золотом, а прекрасные дамы, оставшись без рыцарей и стихов в их честь, тянутся разменять одиночество на заграницу.

Стала Танечка старушкой («где ты, Мисюсь?»), считающей мелочь трясущими руками, нет прежних слесарей, на месте заводов с их цехами и столовыми стоят торговые центры, и спутники осыпаются из космоса, как яблоки в заброшенном саду.

Осень в стране. На падающие звезды и спутники еще можно загадывать желания, но исполнения их придется подождать: зима грозит быть долгой. Однако весна обязательно наступит.

КАРМАН-СЮИТА

— Ребята, на его месте должен был быть я!

Семен Семеныч Горбунков.

Друг прислал из Германии письмо про знаменитый пивной праздник, Октоберфест. О немецком пиве не будем; в его рецепте (хмель, солод, вода и совесть) есть один элемент, которому в российском пиве взяться неоткуда. Важно другое — статистика: миллионы участников Октоберфеста потеряли к его середине 290 кошельков с деньгами, полтысячи паспортов разных государств, 220 ключей, 188 мобильных телефонов и даже искусственную челюсть — все это копится в бюро находок.

Злободневный русский вопрос: что за идиоты сдают в бюро находок кошельки с деньгами?!

Недавно французский альпинист обнаружил на леднике горы Монблан металлическую коробку с рубинами, изумрудами и сапфирами, пролежавшую там полвека. Находку стоимостью 246 000 он передал местной полиции. На пакетиках с драгоценностями стоит штамп «Сделано в Индии». Предполагают, что они принадлежали жертве одной из авиакатастроф: 3 ноября 1950 года и 24 января 1966 года над Монбланом разбились два самолета авиакомпании Air India, и на горе до сих пор находят останки погибших, детали самолетов и фрагменты багажа. Причины катастроф так и не были установлены.

Французские власти связались с индийскими, чтобы найти наследника драгоценностей. Если не найдут, альпинист может оставить их себе.

А в газете «Бильд» появился портрет мюнхенского сантехника Кая Струве, 23 лет, с которым произошло вот что. Кая послали демонтировать оборудование в пустующей старой квартире, хозяин которой, 88-летний старикан, давно уже обитает в доме престарелых и страдает полной утратой памяти.

Сантехник отвинтил ванну, стал сдвигать ее, нечаянно сковырнул (молодой еще!) пару плиток и обнаружил под ними тайничок с упаковкой: 218 отлично сохранившихся купюр по 500 евро каждая.

Никто этого не видел, старик давно в маразме, а Кай зарабатывал немного, у него оставалось чистыми чуть больше тысячи евро в месяц, под обрез: аренда квартиры, расходы на еду, досуг с любимой девушкой... И тьма желаний! Включая свадьбу, машину (на курсы вождения сантехник уже давно копил), поездку куда-нибудь в свадебное путешествие, а в будущем — жилье бы свое купить...

И — никого в пыльной ванной комнате с тайником из чьей-то забытой жизни.

109 тысяч евро хватит и на домик в баварской деревушке, предел нынешних мечтаний Кая, и на свадьбу с медовым месяцем в Анталии.

Потом уже сантехник Струве смущенно признался журналистам: ему стыдно, что он так долго колебался. Минут десять, не меньше. А потом позвонил к себе на фирму и в полицию.

Деньги отвезли старикану, и тот очень удивился. Он так и не вспомнил, что за тайник, какие-такие купюры...

Согласно § 971 «Гражданского кодекса» Германии Каю Струве положены три тысячи евро премиальных. Он вернулся на работу окрыленным: теперь можно будет и на права сдать, и подержанную машину купить. А там, глядишь, и на свадьбу скопить удастся...

В общем-то, типичное для цивилизованной страны приключение. Но именно типичность его делает страну цивилизованной, а простого сантехника — гражданином, который может гордиться и родиной своей, и своим в ней местом. В России такой случай маловероятен. Возможно, потому и жизнь наша так отличается от жизни в Германии.

Все это напомнило сценку из знаменитого фильма «Привидение»: маргинальная пройдоха и медиум Одомей Браун держит в руке чек на волшебные для нее 4 миллиона долларов и не может отдать его монашам, а герой говорит ей:

— Одомей! Это не твои деньги...

И она отдает.

Такие вот истории о том, что напрочь противоречит государственно-му строю в России и общественному менталитету. Старшее поколение еще застало понятия совести и порядочности. А теперь разница жизни в России и в цивилизованных странах покоится всего лишь на маленьком философском штрихе: там уверены, что чужие деньги счастья не принесут. А у нас — в точности наоборот: если не возьмешь чужое ты, его непременно утащат другие. Такая маленькая разница...

Да ладно. Другая жизнь, непонятная нам. Чужая планета. Мы свою не убрали с утра и профукали.

ОЖИДАНИЕ ЧУДЕС

Света с бабушкой пошли в торговый центр покупать ей что-то к школе, а мы с дошколятами Сережей и Машей отправились ждать их на детскую площадку по соседству.

Там возле елки гуляли Дед Мороз и Снегурочка. И мои внуки немедленно проявили свои инь и янь. Сережка подошел к Деду Морозу и заговорил с ним о жизни, снял варежку и потрогал его шубу, а потом спросил: можно подержаться за посох? Дед не рассердился и не стал его замораживать. Наоборот, позволил трогать волшебный свой посох, о чем-то спрашивал и погладил по голове.

— А что у тебя в мешке? — спросил Сережка. — Подарки?

Дед Мороз ответил, что да, подарки. Но пока не главные. А главные он принесет ему в новогоднюю ночь. Тайно: в ту ночь, когда он разносит подарки, его никто из детей видеть не должен, а то волшебство потеряется.

В общем, они поладили.

Машка же даже мысли не допускала, что с Дедом Морозом можно вот

так, запросто. Она спряталась за меня и смотрела на новогоднюю парочку, не отрываясь. И как я ни убеждал ее подойти поближе хотя бы к Снегурочке, она так и пряталась за мной. Пример Сережки ее ничуть не убедил.

Только дома она оттаяла от новогодней заморозки и рассказывала бабушке:

— А мы Деда Мороза видели! Настоящего! И Снегурочку! Правда, я не вру — настоящие!

А Света, уже почти школьница, задала мне философский вопрос — Дедушка, а чудеса бывают? Мне один мальчишка рассказывал, что Деда Мороза нету.

И я нашел ответ. Чудеса в жизни обязательно есть. Дети и сами это чувствуют, правда ведь? Просто некоторые люди, взрослея, перестают в них верить, и волшебство из их жизни уходит, как из прохуdivшегося воздушного шарика. И это зря, потому что жизнь становится скучнее. А для тех, кто продолжает верить в чудеса, они остаются. Думаешь, взрослые не завидуют детям на Новый год? Еще как завидуют!

Я лично в чудеса верю. Вся эта малышня — сами чудо. И как же мне в них не верить, когда вот они, я не вру — настоящие!

НАСЛЕДСТВО

Деловой портал РБК провел опрос и обнаружил, что 78% детей не хотят заниматься бизнесом своих родителей.

А я вспомнил давний разговор со знакомым воронежским бизнесменом на тему отцов и детей. Олега я случайно встретил в кафе, где он грустил сам-друг с бутылочкой коньяка, и друг этот был уже наполовину пуст. Олег поделился своей печалью: он вдруг ясно понял, что сын безразличен не только к его делам, но и к самому отцу. Занят разработкой компьютерных игр, и на жизнь ему хватает, но дело свое Олегу некому передать. Всю жизнь он строил его, воевал с конкурентами, «дружил» с кабинетными пройдохами, судился, шел на компромиссы с совестью, «братками» — и чего ради? Жена вечно упрекала, что у нее мужа нет, и сыном он не занимается, а когда ему заниматься? Ведь все это — для них же! Нет, материальными благами они охотно пользуются, но душа-то его осталась где-то на обочине от семьи.

Вспомнил Олег, допивая свой коньяк, что еще в юности читал чей-то рассказ, как один мужик в старости написал книгу с размышлениями о жизни и велел сыну обязательно прочитать ее; это очень, мол, важно! Ну, умер. Капитал его сыну не достался: на момент написания первого завещания отец с сыном были в ссоре, а потом, когда они помирились, отец намекал ему на другое завещание, но конкретно ничего не сказал.

Сын долго искал последнее завещание, но так и не нашел, за что покойному досталось много гадких слов. Дела его шли под откос, и книжку отца он, конечно, читать не стал: у него полно своих проблем, зачем ему чужие?

Только через много лет, разбирая шкаф с книгами, он уронил несколько штук и увидел, что из отцовской книги выпал листок бумаги. Это оказалось то самое, последнее завещание, по которому все имущество отходило ему.

— Вот так и я, — сказал Олег, — как никому не нужный листок бумаги. Вся жизнь — коту под хвост. Не знаю, что делать.

Константин Макарыч живет на хуторе возле Бобровского заповедника в полном одиночестве. Но к нему не зарастает народная тропа: приезжают лечиться от разных хворей не только из ближних сел, но и из Воронежа, и даже из столицы. В миру старик носит кличку Забодай — наверное, из-за своих присказок. Их у него две: «Ну, ты понял, отчего козел хвост поднял?» и «Забодай тебя комар».

Забодай сух и жилист, лицо его часто складывается в резиновую улыбку, и из морщин торчит седая щетина — выбрить ее оттуда невозможно.

Дочь его живет с мужем в Воронеже, периодически навещает старика и убеждает переехать в город. Однажды он поддался и поехал, но через три дня не выдержал и сбежал: да ты что? Там у меня дом родной, а ты меня в этот гадюшник!.. Вонит — жуть, все злые, бегут куда-то...

У него есть облезлое ружьишко и сеть, на огороде он кое-что выращивает, но большая часть участка заросла травами. Дом и сарай увешаны связками трав и полны их одеколонных запахов. С ними старик разговаривает, как с живыми. И возмущается: ох, и дураят нашего брата! Чай из Индии — да на хрена ж он сдался! Господь нам все дарит — нате, пользуйтесь. Тут на одном огороде столько лекарства вырастает, что аптекари б с ума сошли, если б знали. А в лесу еще сколько! А они — тонизи-и-ирующие, снотво-о-орные... дурачков нашли! У Господа все бесплатно — бери, не хочю. Только надо по-человечески с ними, понимаючи. Я-то что, только верхов набрался, а вот раньше травницы были — никаких больниц и поликлиник этих не надо. Вот скажи, зачем мне Индия или этот кофий ваш, когда я здесь родился? Для меня тут и растет все бесплатно, а индейцы эти пусть кофий с какавой пьют — мне это без надобности.

Спиртного Константин Макарыч тоже не чурается и настаивает самогонку на комбинациях даров лесов и полей. Она чистая и крепкая, с букетом трав и ягод. Пользует он ее из маленького граненого стаканчика: стопку перед обедом и стопку перед сном.

Обычно пациенты приезжают к нему после обеда и, если старик спит, ждут. Денег с болящих он не берет, а подарки принимает охотно — из любопытства. Но приговораются они ему редко: у него и так есть все необходимое.

Мне трудно примерить его смысл жизни, но старик этот не выходит у меня из головы.

ПРОРОК С «ПРОЦЕССОРА»

Толика я встретил у Заставы. Ему под шестьдесят, и выглядел он неважно: худ и небрит, мятый старый пиджак, туфли разбитые. Когда-то мы вместе работали на «Процессоре» и с тех пор не виделись четверть века. Микроэлектроника была для него смыслом жизни; Толик мог бы стать воронежским Стивом Джобсом, но наступившему на Россию капитализму он был не интересен. Его мотивация к работе оказалась практически утерянной, как секреты племени майя.

У истребленного класса воронежских инженеров были другие смыслы жизни, они были образованы и берегли честь смолоду. Они ушли, и

некому больше читать хорошие книги, спорить взахлеб об идеалах и высоких материях, некому уступить место женщине и даже просто не идти на красный сигнал светофора.

Деньги — страшное зло, уверен Толик; надежда есть лишь на то, что лживая и наглая экономика ростовщиков противоречит божественному здравому смыслу и долго не протянет. Раньше деньги служили, по Марксу, мерой общественно-необходимого труда, но в прошлом веке перестали: для обеспечения всех производственных и торговых операций миру необходимо \$50–60 трлн, а объем напечатанных денег превысил уже \$700 трлн. К тому же ростовщики наплодили «эквивалент эквивалента» — долговые расписки, еще более далекие от марксовой меры труда, чем деньги. Как Попандопуло: бери-бери, я себе еще напечатаю! Бездна между шальными миллионами ростовщика и доходом крестьянина, чей хлеб и вино он кушает, — планетарная беда. Человечество долго не замечало, что планету приватизируют с помощью пустых бумажек, но сегодня ложь стала кричащей. Вот злободневная цитата: *«Был ли покойный нравственным существом? Нет, это бывший слепой, самозванец и гусекрад. Все свои силы он положил на то, чтобы жить за счет общества. Но обществу надоело, что он живет за его счет. Вынести это противоречие Михаил Самуэлевич не мог, и поэтому он умер»*. Что вырастет из праха покойных, неизвестно, но есть надежда, что новое мироустройство будет справедливым.

На Кольцовской мы расстались, и Толик снова затерялся где-то в параллельных мирках Воронежа.

ИГРА В БУТЫЛОЧКУ

Вот уж не думал, что старая байка, которая гуляла на «Процессоре» в 80-е, станет явью через треть века. Тогда жена одного из регулировщиков пожаловалась в профком и партком, что муж ее регулярно приходит с работы «на рогах». Партия и профсоюз мужика пропесочили и запугали. Он перестал пить на работе с коллегами, уходил с завода трезвым, но по дороге покупал бутылку и перед дверью своей квартиры заглатывал ее. Пустая бутылка оставалась в подъезде на другом этаже, мужик приходил домой хоть и с запахом, но еще трезвым, и объяснял жене: устал, с ребятами по пивку выпили. А уж как он там дальше существовал, история умалчивает.

Сегодня мой сосед по подъезду, возвращаясь с работы, оставляет машину на стоянке под окнами. Есть подозрение, что он уже принял на грудь, а потом «догоняется» на стоянке и регулярно оставляет там пустые бутылки. Сосед всеяден как дракон: бутылки бывают от вина, водки, пива, коньяка и даже от шампанского; бывает комбинированный набор: пиво ж без водки — деньги на ветер...

Я однажды сказал ему: ты б хоть к подъезду их относил, бутылки свои, а то ж кто-то наверняка на них наедет и колеса лишится. Он отшутился: да ну, какой же дурак наедет? Пусть стоит, это благотворительность: дворник на стоянке убирает, вот и сдаст их — все бедолаге приработок. Приятное с полезным!

Иногда бутылки оказывались у лифта и на пожарной лестнице — видимо, он распределял гуманитарную помощь между дворником и уборщицей.

От бутылки на стоянке периодически возникали пятна раздавленно-го стекла, и я злорадно ждал, когда небеса покарают соседа, и он сам попадет в эту яму, вырытую другим. Но время шло, и никто его не карал. А вчера я возвращался домой поздним вечером. Освещение на стоянке — не очень, хоть она и рядом с трассой, и я не сразу понял, почему машину слегка тряхнуло, и послышался странный хруст. А потом остановился и увидел на асфальте пятно, мерцающее праздничными изумрудными огоньками, — шампанское, блин!

Колесо вроде бы не пробило, но утром оно оказалось наполовину спущенным.

И снова, как в старом анекдоте: соседа бы ладно, а меня-то за что?!

ОТ ЗАРПЛАТЫ ДО РАССВЕТА

Знакомая семья молодых воронежцев едва не развелась из-за сложной международной обстановки. Она закончила медуниверситет, работает педиатром в поликлинике, охотно и пылко участвует в разговорах о зарплате врачей в России и других странах; он работает водилой на маршрутке, берет за любую халтуру и считает бездельниками стоящих на бирже: работу найти можно всегда, было бы желание. Если эта работа накроется, будет зарабатывать частным извозом или пойдет в какой-нибудь автосалон — аварий на воронежских дорогах хватит на всю его жизнь.

Она симпатизирует «Яблоку», но вынуждена была сдать бюллетень в пользу известно кого, а он на выборы вообще не пошел — некогда.

У них есть ребенок — очаровательная девочка двух лет, скоро будет еще один, и муж очень надеется, что это мальчик. Семья их — практически идеальная ячейка общества, а ссора возникла, наверное, из-за накопившейся усталости и беременности. Она прочитала в интернете две новости: что материнский капитал в следующем году индексировать не будут, и что на войну в Сирии Россия тратит 2,5 миллиона долларов каждый божий день, и расплакалась. Он пытался ее успокоить, но потом и сам психанул. А сколько стоит честь и достоинство? — кричал он. Кто, кроме нас, может остановить этих уродов?

А за чей счет вы там меряетесь с Америкой, кто круче? — возмущалась она. За счет нашей Алиночки? Или будущего малыша? Или родителей наших, которые и на пенсии продолжают работать ради внуков, а им вместо индексации — хрен собачий? Не нужна мне эта Сирия, я там никого не знаю, дай бог им всем здоровья. Тут нам на памперсы не хватает, и сыр уже сто лет не покупали, а мне предлагают гордиться нашими бомбами, и сколько неизвестных, но живых людей мы сделаем мертвыми, а у них тоже семья и заботы о памперсах и сыре — к черту такую гордость! Они мне ничего плохого не сделали!

Он долго пытался объяснить ей, что речь идет о будущем: поставят ли нас на колени, чтоб ограбить и сделать рабами, вспоминая фильм «Храброе сердце», но убедить ее так и не смог.

Ссорились и кричали они часов до двух ночи, а потом он ушел, хлопнув дверью.

Жалко их — такие молодые, красивые...

— Тут не плевать, здесь не сорить!
Что вы мне жить не даете?

Шариков

Пророки предсказали России славное будущее: она станет основой грядущей цивилизации с эпицентром в Сибири, мудрой, культурной и высоконравственной. А Воронеж однажды назначили культурной столицей СНГ, а в стране объявили Год литературы. Хотя с духовностью у нас пока сложновато.

Откуда новая цивилизация возьмется, неизвестно, но так хочется увидеть хоть какие-то ее черточки в нынешней жизни. Может, культура, наука... Правда, еще весной профессор Обуховский из ВГУ написал мне: «Вчера смотрел список пленарных и приглашенных докладчиков Всемирного Конгресса Математиков, который будет проходить в августе в Индии (я туда тоже поеду). Огромное количество русских фамилий, но только один (подчеркиваю — ОДИН!) математик представляет Россию. Аффiliation остальных — США, Франция, Германия и т.д. Удручающее зрелище. Никогда я не жалел, что не остался там, звали, и не раз, а вот сейчас жалею...»

С культурой тоже не все просто. А уж на дорогах воронежских водители ведут себя, как в еще советских очередях за пивом: понты дают им моральное право лезть вперед, распихивая ближних, запросто нарушать правила и материть каждого, кто попадет под руку или под колесо.

Иногородние, включая людей известных, не раз отмечали, что воронежские автохамы — самые хамские в стране. Если не в мире. Некоторые и вовсе называют их быдлом, даже если носят они на своих авто высокопоставленные спецномера.

Их бы надо лечить, но нету санитаров, которые могли бы вытащить их из салона и сделать пару уколов от хамства. Или поставить клеймо на капот (а лучше б на лоб): осторожно, за рулем быдло! А сами они в принципе не способны выдавливать из себя по капле рабов, поэтому сделать это должен кто-то другой — чтобы не заражали они тех, у кого иммунитет от хамского отношения к людям слаб или отсутствует.

Если уже не поздно.

Вот из спорткара впереди водитель выбросил смятую пачку от сигарет. Мой баварский коллега Андреас был в шоке и пылко сообщил, что дома немедленно стукнул бы на этого типа в дорожную полицию, и на ближайшем посту тот предпочел бы съесть эту пачку вместе с окурками. Но дальше было еще хуже: из окна встречного джипа вылетел пакет, лопнул, и по дороге разлетелись арбузные корки. Мы шарахнулись к обочине, а из джипа с криком «иииху!» высунули руку с оттопыренным средним пальцем. На Андреаса стоило посмотреть.

А еще помню, как его лицо вытянулось на берегу Усманки: такого количества мусора он ни разу в жизни не видел («зачем же гадить под себя?..»)

Но если б только на дорогах. В субботу по рынку у БСМП идут две растрепанные беременные бабы в больничных халатах и тапках с початыми бутылками пива. Гуляют вприхлебку, под разговоры о своем, девичьем.

А в Северном лесу на поваленном дереве — стоянка молодых мамаш с колясками. Возле ног их в траве у дерева — двухлитровые бутылки с де-

шевым крепким пивом «Охотничье». Кормящие мамы; «пиво активизирует лактацию грудного молока». Воркуют за тихой беседой с комфортом: пиво, чипсы, сигареты. Дети их, похоже, вырастут «охотниками».

Возле перинатального центра в корпусе областной больницы сидит на балконе пьяненькая медсестра и поет «Вот кто-то с горочки спустился». Голос ее чист и крепок, поет очень душевно.

В моем подъезде кто-то регулярно оставляет мусорные пакеты — у выхода или еще в лифте. Ну, некогда человеку нести их к контейнерам во дворе; пусть какое-нибудь быдло уберет. Уборщица чуть не плачет, но ничего поделаться не может: такие же пакеты жильцы оставляют и на пожарном выходе, и на балконах в подъезде. Как послание будущей цивилизации.

В третьем часу ночи во двор наш въехали две машины, из них вылезло полдюжины пьяных мужиков в камуфляже, веселых и горластых. Сначала они просто что-то бурно обсуждали, потом вытащили из багажника столик и раскладные стулья, накрыли «поляну» с бутылками и закусью и врубили музыку — чтоб всем было весело, включая стариков и грудных младенцев. Праздник души продолжался часа полтора, и вряд ли кто-нибудь в 16-этажном доме не ощутил всей его прелести. Да и многим домам по соседству досталось эхо праздника.

Может, чем-то намазано в нашем дворе. В нем большая стоянка машин, рядом магазин «Пятерочка». Через неделю в полпервого ночи жильцов опять разбудила дискотека. Сразу три машины въехало на стоянку, распахнули двери и врубили клевую акустику. Десяток мужиков с час тусовались вокруг своих машин. Танцев не было. Двое вышли на середину трассы, один — поблевать возле разделительных тумб, другой — помочиться на дорогу. Сделав свое дело, они зачем-то били ногами по тумбе и орали что-то матерное, демонстрируя свой богатый внутренний мир. Редкие машины притормаживали и осторожно их объезжали.

Зачем они съезжались сюда, осталось тайной. Через час стали прощаться. Удивительно, как не въехали они в припаркованные сонные автомобили или друг в друга. Но стартовали они, как и положено крутым пацанам, с визгом шин. Разъехались в три стороны: одно авто отправилось к коттеджам налево, другое помчалось мимо «Пятерочки» во дворы, третье выехало, пошатываясь, на трассу, и помчалось к Московскому проспекту.

Быть может, именно их детям и внукам предназначено стать избранными. Основой будущего человеческой цивилизации.

САМОУБИЙЦА

Две реликвии. Первая — ламинированная записка, на которой рукописный текст отчасти размыло временем, второй — тоже ламинированный листок из школьной тетрадки с довольно корявым почерком.

Записка была страшноватой: жизнь бессмысленна, в ней нет ничего святого и никакой любви — ни материнской, ни девушки к парню, какие бы клятвы она ни давала; короче, пошли вы все!.. Написано это было в тот момент, когда автор записки учился на третьем курсе политеха, и его собирались исключить за попадание в вытрезвитель, а заодно и за хронические «хвосты»; он насмерть рассорился с матерью, а его девушка устроила ему истерику и заявила, что больше не желает иметь с ним дела; чтоб не звонил больше и вообще обходил ее за три километра!

А вторая реликвия — лист из школьного сочинения мальчишки на

тему «Моя семья». Там было написано, что его отец — лучший на свете, он любит маму, обоих мальчишек и сестренку их, хотя она совсем еще маленькая и орет по ночам; папа приходит на каждую их игру в футбол и даже на тренировки, и сам многим финтам их научил, берет на рыбалку, и недавно мы с братом поймали огромного карпа, и долго не могли из пруда вытащить, а папа специально не помогал, а только советовал, и мы его все-таки вытащили, сами; учит не реветь, когда ударишься обо что-нибудь, или если кровь течет, еще учит их защищать сестренку, заботиться о ней и воспитывать, она еще глупая, но ничего, воспитаем...

Та девушка пришла, когда он написал эту записку, снял люстру, со всей дури шмякнул ее об пол и уже примеривался веревкой к крюку в потолке. Она сказала, что беременна, была неправа и на самом деле очень боится его потерять — господи, какой я была дурой!

Он обнял ее и поклялся сделать все, чтоб их малыш был счастливым; у него самого не было отца, а у их ребенка будет такой отец, какого еще не было никогда и ни у кого.

Теперь их трое, уже взрослые. Проблем полно, и стрессов хватает, но когда прижмет, он иногда перечитывает эти два документа. Помогает.

СТО БАКСОВ, КАРТОФЕЛИНА И СВИСТУЛЬКИ

Старушка с палкой принесла в банк пенсию, чтоб уберечь ее до дня рождения внука, обменяла кучу рублей на одну зеленую купюру и долго с сомнением на нее смотрела, а операционистка обменника звонила в Москву: это вам из воронежского филиала, у нас тут клиент один хочет купить двести тысяч долларов... Очереди она сказала: не стойте, валюты больше нет! Никакой? — спросили ее. Никакой, ответила операционистка. Старушка ушла в смятении: то ли радоваться, что ей последней достались американские деньги, то ли, наоборот, горевать, что так много родных бумажек она поменяла на одну чужую.

Другую старушку моя жена в тот же день встретила в «Пятерочке»: на кассу она принесла одну картофелину и долго перебирала монетки, пересчитывая их и сбиваясь. И жена просто задохнулась, стала ее расспрашивать. Да что, пенсия — семь тысяч, за ЖКХ заплати, лекарства купи; но это ничего, это ж не как в войну, когда лебеду варили; у нее дома есть полбуханки вкусного хлеба, теперь она супчика с картошкой сварит и вкусно поужинает.

Жена пошла, купила ей колбасы и печенья; бабка долго отказывалась от царского подарка, роняла слезы и жалкие слова. Продавщица не стала ей картошину считать, так отпустила.

А я потом маялся бессонницей и пытался представить, сколько беспризорных старушек смотрят по телевизору, как бульдозеры закапывают в землю еду. И вспоминал рассказ знакомого, как 2-го мая, в день взятия Берлина, он после обеда в ресторане встретил на тихой улочке в центре города деда в истертом пиджаке с орденом Славы, который разложил на стуле для продажи самодельные свистульки для детишек. Знакомый постоял рядом и, размягченный вискарем, дал деду пятисотку, а тот сказал: что ты, сынок, бумажку не брал и не смотрел ему в глаза. Знакомый настоял, а потом шел по улице, вспоминал своего отца и деда, уже упокоившихся, и не прятал слез. Думал: ну, пусть какой-нибудь перец засмеется, что подвыпивший солидный мужик идет и плачет, и я дам ему в морду...

КУРИЦА ПАРКУЕТСЯ

На стоянке во дворе нашего дома — потеха. Двое парней пересекали ее по диагонали, что-то обсуждая и размахивая руками. Один вдруг остановился и замолчал, наблюдая, как женщина-водитель пытается выехать со стоянки по снежным колдобинам. Соседние машины стояли близко, она слишком рано вывернула руль и чуть не зацепила дорогой внедорожник. Вышла, осмотрела обе машины — нет ли царапин, попинала ногой замерзшие наросты и тут увидела, что оба парня остановились на тротуаре, снимают ее на мобильники и давятся смехом: курица паркуется! Звезда ю-туба!

Она снова села за руль, вернула машину на место и повторила попытку, но, выехав наполовину, застряла и, похоже, совсем запаниковала: стала резко газовать, пытаюсь сдать то назад, то вперед, но лишь завязла в снегу еще глубже. Вышла из машины и растерянно обошла ее, осматривая колдобины и пиная их сапожками. Это вызвало новый взрыв смеха парней; женщина села в машину, заглушила авто, стукнула обеими руками по рулю, опустила на него голову и замерла, то ли заплакав, то ли пытаюсь успокоиться.

Хлопнула дверь подъезда, мужик в куртке, трико и кроссовках на голые ноги быстро пересек стоянку, стукнул в окно машины и сказал: успокойтесь, давайте я вам помогу; у вас передний привод?.. Предложил ей завести машину, включить вторую скорость и газовать несильно, а сам уперся в багажник и принялся толкать ее вперед. Машина въехала на прежнее место, мужик велел потихоньку выезжать прямо, а потом вернуться, но как можно ближе к правой машине. Женщина, похоже, успокоилась и о парнях забыла. Она сделала все, как велел ей неожиданный помощник, и вскоре облегченно уехала.

Возвращаясь домой мимо парней, мобильники спрятавших, мужик прошипел: ссс...

— Ты чего, пап? — сказал один из них.

— Вы мужчины, да? — сказал мужик. — Иди домой! Я ничего тебе объяснять здесь, на улице, не буду. Иди, я тебе дома объясню кое-что. Про ю-туб.

ПРО СОБАКУ

Тут со всех сторон враги ползут на берег нашей Родины и точат свой кинжал, и в телевизоре не осталось ни одного равнодушного к лозунгу «Капиталистическое Отечество в опасности!», но старинный мой друг телевизор не смотрит: он аполитичен и асоциален, не женат и, возможно, бездетен, а главные его переживания связаны с собакой.

Игорь готов часами обсуждать своего кокер-спаниеля по имени Джим. Он уверен, что Джим принял на себя многие его болезни и несчастья, а взамен приносил только хорошие чувства. К году пес уже бодро топал по воронежским лугам и берегам речек, мог километры плыть за байдаркой и легко усвоил уроки благовоспитанности: по улице ходил без поводка, охотно слышал, где бежать по дорожке, а где по газону, и послушно игнорировал других собак. Большинство людей, заглянув в его глаза, сразу попадали под обаяние Джима, и отвязаться от них становилось трудно.

Единственная проблема — шерсть и вечные култышки на лапах. Увидев ножницы, Джим старался смяться: забьется куда-нибудь, рычит и дрожит мелкой дрожью. Матушка Игоря убеждала его:

— Какой же ты беспоконный ребенок... Вот смотри, Джим, как я папу твоего подстригаю: сидит спокойно, не рычит и не пытается кого-нибудь укусить. Наоборот, ему даже нравится! А когти себе он вообще сам подстригает и не орет при этом на весь дом, и намордник ему никто не надевает...

Джим сопровождал Игоря во всех путешествиях. Весил он 16 кило, и в поездах-теплоходах-самолетах покорно сидел в специальном рюкзаке. Охотником Игорь не был, но Джим прекрасно апортировал все, что надо, и только резиновые игрушки со свистком брал в пасть очень осторожно — чтоб они не пищали от боли.

Однажды Игорь вынужден был уехать на месяц, оставив его у мамы за городом, и Джим заболел. Подгребал к себе его вещи, целыми днями лежал неподвижно и отказывался от еды. Игорь потом не раз признавался, что Джим был ему не просто близким другом, а частью его, и когда его не стало, что-то умерло и в нем. И даже через много лет он не мог сдерживать слез, вспоминая его: на хрен была нужна эта поездка! Это я, я виноват...

А я, напичканной телевизионной политикой и экономикой, завидовал его слезам.

КЛАДБИЩЕ АВТОМОБИЛЕЙ

Во дворе под окнами моей квартиры несколько автомобилей недвижимо стоят уже несколько лет. Зимой их накрывает снегом, и они спят там, как в берлогах, а летом тихо покрываются пленкой тлена. Некоторые колеса у них спущены, а один, с липецкими номерами, уже года три стоит на домкрате. Он перекошен и давно уже не черный, а домкрат тоже покрыт — даже не ржавчиной, а каким-то прахом, рядом с которым будто много лет не ступала нога человека.

Пути от Антонова-Овсеенко до храма Ксении Петербургской, как и по всему Воронежу, набиты автомобилями и под некоторыми летом прорастает трава, побеги кустов и юных деревьев, а корпуса покрыты все тем же пыльно-ржавым тленом. У части машин разбиты стекла, и видны следы трудов автомобильных умельцев, откручивающих что-нибудь ценное. Кое-где явно бывали бомжи — летом в брошенных автомобилях вполне можно переночевать. Какие-то наверняка угнали. Но тогда непонятно, почему их бросили; угнали покатаются? Чьи они, неизвестно, но у каждого из таких авто — своя история. Рассказ или повесть. А то и целый роман.

По разным подсчетам, в Воронеже около 300 тысяч «родных» автомобилей, и еще много — из других регионов. Ими забиты гаражи, стоянки и дворы; все это — частная собственность, и трогать ее нельзя. Даже ГИБДД нельзя: тронешь, а потом получишь иск на круглую сумму. Во дворе моего дома старенькая иномарка из Саратова стояла года два и уже стала покрываться пеплом забвения, но в один прекрасный день к ней подъехали трое парней, открыли ее и долго колдовали над двигателем. Реанимация была успешной: машина ожила и после длительной комы отправилась в новую жизнь.

Многие водители нежно любят своих «ласточек» и разговаривают с ними. Интересно, что снится таким автомобилям, когда они становятся брошенными. Тоскуют ли о былом? Не нарушают ли весной их сон бомжи и прорастающая зелень, уютно ли спится зимой в снежных берлогах?

Парковочные места и без них порождают свары, но мертвые все чаще занимают места живых, и когда-нибудь наш город может стать кладбищем брошенных автомобилей.

ФИЛОСОФ

Будущий воронежский биолог Максим Ф. поразил меня заявлением о том, что тысячи поколений землян, включая нынешнее, — тупиковая цивилизация. Летом он ездит к бабушке в Костенки и не устает поражаться несметному богатству луговых трав, насекомых, птиц, ящериц и неизвестных ему существ. Там растут мириады трав, каждая в свой срок, а мы не знаем не только их божественных свойств, но даже названий того, что дарит нам планета. Кто назовет хотя бы три травы и их свойства? Кто знает названия деревьев и смысл их жизни? А ведь все это живет рядом с нами, создавшими свой абсурдный мирок техники и денег.

Зато мы умеем уничтожить природу — как ни одно живое существо за миллиарды лет существования планеты. Бесполезно спрашивать нас о птицах, животных и насекомых, травах и деревьях, не говоря уж о глобальном дыхании планеты — океанских и атмосферных потоках, о тайнах ноосферы. Умеем сжигать, травить, взрывать, расщеплять материю для того, чтоб искалечить как можно больше таких же, как мы. А вместо того, чтоб учиться понимать свой мир, премся в космос. Чего мы туда лезем-то, когда вокруг столько непознанного? Не знаем даже, зачем у нас волосы под мышками растут.

Мы уже очень чужие этой планете. Как глупые дети, не принимающие ничего от своей матери — ни подарков, ни советов, ни опыта или мудрости. Но, безграмотные к природе, взамен ее божественных даров создали фармакологию, чтоб вымогать друг у дружки деньги, — еще одну искусственную и фальшивую замену того, что дают нам даром.

Гордые своими нравственными и умственными отклонениями, придумали массу противоречащего самой сущности планеты: электричество, деньги, пластик, забивающий реки и океаны, способы расщеплять естество природы и превращать в энергию нефть и газ, смысла и назначения которых в природе даже и близко себе не представляем. Как ребенок, который сует пальцы в розетку.

А тех, кто был ближе к природе, наша цивилизация нещадно истребляла: индейцев Америки, племена Африки, аборигенов Австралии. Хотя могли бы у них многому научиться.

Такой вот в Воронеже есть Максим. Ему пятнадцать лет, он еще в школе учится. Все молодежь нам плохая.

БАБУШКА СО СПИЧКАМИ

Дважды за эту снежную и мягкую неделю, напоминающую о близком Рождестве, довелось мне общаться со знакомой пенсионеркой, старушкой в пуховом платке и толстых очках. Когда-то я написал очерк об ее жизни, и она изредка звонит мне, задает вопросы, на которые и сама знает ответы. Наверное, ей нужно просто услышать чей-то знакомый голос и свой собственный в квартире, похожей на склеп. Ее Нина Петровна надеется сохранить для внука, но боится, что сохранить не сможет. Она бывшая учительница и вряд ли может позволить себе что-нибудь праздничное к новому году столу — как в самой печальной сказке Андерсена «Девочка со спичками». На

улицу она почти не выходит и в основном смотрит телевизор в глухом одиночестве. Ее пенсию система ЖКХ съедает, как черная плесень. Дочка присылает ей деньги из-за границы; она там замужем. Если б не она, Нина Петровна не смогла бы покупать не только макароны, но и картошку.

Оба раза наш разговор был на тему — как выжить старикам? Будто флажками обкладывают, говорит она, ЖКХ в июле опять повысили, а индексацию отменили. Шоферов вон обложили, дороги все платными стали, стоянки. Зарплата и пенсии уменьшаются, а платежи ЖКХ растут. Даже поехать к морю — и то какой-то сбор придумали.

А вы что, на море собрались?

Да что вы, какое море! Это пусть немки ездят. Я беспокоюсь, что дальше будет. Все время воюем, гусей вон тракторами давят и сыр, апельсины, хорошо, что моя сестра-блокадница не дожидка, я прям за нее радуюсь: она всегда очень войны боялась и голода. А мы хорошо живем: я себе апельсин на Новый год обязательно куплю.

У Нины Петровны приятный смех — тихий и добрый.

А сегодня объявили, сказала она, что вводят абонентскую плату за электричество. Симпатичный такой замминистра сказал, что надо платить до ста рублей за пользование их сетями. Это кроме платежей. Вы не знаете, что это за абонентство такое?

Я ответил, что цензурными словами мое отношение к ЖКХ выразить трудно.

А вы не слышали, сказала Нина Петровна, будут в новом году ЖКХ опять повышать? И на сколько?

Не слышал, сказал я, но повысят наверняка. Им деньги нужны. Очень-очень.

ПАРК СКИФСКОГО ПЕРИОДА

В детском парке у храма в Северном сошел снег, обнажая на земле менталитет воронежцев: да, скифы мы и азиаты, кочевые племена, которые оставляют на стоянках отходы своей жизнедеятельности. Наш ковер — цветочная поляна, наши стены — сосны-великаны, наша крыша — небо голубое. Никто не сможет приучить нас, что Воронеж — наш дом родной, и что гадить себе под ноги — нехорошо. Это в генах: сегодня мы здесь, а завтра далеко и вряд ли вернемся на загаженное место; даже благообразная бабушка, покормив внучку детским творожком, упаковку от него бросила на траву и, счастливая от общения с ангелом, покатила коляску дальше. Хотя урна рядом.

На детской площадке полно окурков, пачек от сигарет, бутылок пивных и водочных, пузырьков от настойки боярышника, оберток от продуктов, полиэтиленовых обрывков и просто какой-то гадости. Рядом с лавочками и урнами — слои «культурных отходов», обилию которых предстоит порадоваться будущим археологам при раскопках нынешней жизни.

На одной из скамеек между футбольной и детской площадками расположились две бальзаковские дамы. Они достали шампанское и пластиковые стаканчики — приятное с полезным: и за детьми присмотрят, и с комфортом поговорят «за жизнь».

У входа на футбольную площадку стоит компашка юных. Мальчики и девочки возраста Джульетты и Ромео, юные и красивые. Но если б только мамы и папы слышали их речи, удивительно гармонирующие с повсеместным мусором! Мата в них больше, чем в беседе биндюжников. Им

страшно хочется быть взрослыми, и все их речи — лишь доказательство того, как много они уже повидали в этой жизни.

Вопрос о том, где эти мальчики и девочки напихали столько дерьма в свои нежные ротки, остается открытым.

В соцсетях обсуждают весеннее обнажение леса в микрорайоне Южный и сосновый лес на Машмете. Там будто ураган прошел, накрыв леса содержимым мусорного полигона. Но это не ураган и не ИГИЛ, запрещенный в России, устроил; это мы, господа. Некоторые блоггеры обзывали нас свиньями и уродами, но это не так: мы просто кочевники, застрявшие на одном месте.

Откуда эта беда на головы наши? От истоков. Для определения исторических корней воронежцев достаточно пройтись по нашим пригородным лесам и берегам речек. Любому исследователю станет ясно: мы — потомки кочевых племен, вольно бороздивших бескрайние степи. Когда наши предки добрались к Дону, население Европы уже стало оседлым. Предкам тоже пришлось остановиться. Юрты, чумы и палатки сменили деревянные и каменные дома. Но привычки кочевников остались: они мусорили, где попало, и верили, что матушка-земля переварит отходы их жизнедеятельности, и не могли представить себе, что степи покроет мусор от края и до края.

Сегодня от кочевого образа жизни ничего не осталось, но менталитет сохранился. Воронежцы любят вылезти на природу и приготовить еду не на газовой или электрической плите, а на первобытном костре. После этой ностальгии леса и берега заповедных речек покрыты тем, что матушка-земля переваривать не успевает.

Изучение следов нынешней цивилизации позволяет разделить воронежцев на три группы по активности в них «кочевых» генов.

Первая группа мечет мусор себе под ноги и вокруг ритуального костра, не собираясь возвращаться в этот гадюшник. К ней можно отнести водителей грузовиков, сваливающих мусор в интимных местах природы. Они не сволочи, как предполагают некоторые, а просто ближе к предкам. Видимо, они неосознанно чувствуют, что завтра свалят отсюда; их детям и внукам здесь не жить.

Вторая группа собирает мусор в пакеты и вешает их на деревья. Они частично отошли от верований предков и предполагают, что не матушка-земля, а кто-то другой уберет за ними эти пакеты. Кто именно, не их дело.

Третья группа закапывает свой мусор в землю либо уносит с собой. Они настолько утратили духовную связь с предками, что зачастую убирают и чужой мусор, и явно предполагают, что детям их и внукам придется вести в этих местах оседлый образ жизни, и что гадить там, где живешь, противоестественно и мерзко.

Пока что «оседлые» явно проигрывают.

НЕЗНАКОМКА И ТЕЛКИ

И снова в интернете появилось видео с девушками в воронежских ночных клубах. Юные прелестницы уже никого не удивляют обнажением до пояса, поэтому, приняв веселящий допинг, удивляют «экзотикой». За какие-нибудь бонусы или для славы раздеваются под телекамерами, имитируют жаркий секс на стойке бара, пьют якобы сперму из бокала, а после клуба летают на мотоциклах голышом с очередным бойфрендом и гордо признаются, что им переспать с кем-то — как пообедать в кафешке.

Бедные девочки. И несчастные их партнеры. В Воронеже много красивых девушек; какая сволочь лишила их всякой тайны и сделала «телками»? Они даже не подозревают, что лишены очень важного в жизни!

Посмотрел бы Александр Блок, как его «Незнакомка» не только без вуали, но даже и без трусиков изображает оргазм на барной стойке. А ведь начало у Блока похоже на наши дни:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух».

Но дальше — утерянное:

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка...
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Кто-то очень злобный разрушил главную тайну мирозданья, внушив нам, что отношения мужчин и женщин должны быть примитивны, как у дворовых бобиков и жучек, а незнакомки прекрасны лишь в виде телок, обнажающих свои интимные места для самцов, которые жаждут случки, половой истекая истомою.

Свидетельства потерянного богатства остались лишь в книжках, но телки предпочитают им тусовку в соцсетях, и неоткуда узнать им глухие тайны, порученные поэту. Например, как профессора Варшавской академии искусств, модного художника Александра Кобздея пригласили на свадьбу одной из его натурщиц; он впервые увидел ее одетой и был поражен:

— Никогда не думал, что она так очаровательна!

СТАРУХА

Эта старуха из двухкомнатной хрущовки на первом этаже портила жизнь всей окрестной молодежи. Ей все мешали жить, даже младенцы — своим ревом, и мало кто видел, чтоб она когда-нибудь улыбалась. Мальчишек она гоняла за то, что те лазили в ее палисадник, девочек — за то, что разрисовывают мелками асфальт возле лавочки, на которой она любила часами сидеть с соседкой из квартиры напротив. Или одна. А уж когда стая мальчишек с воробьиным гвалтом играла во дворе летом в футбол (однажды ей окно мячом разбили), а зимой в хоккей, визгливые крики старухи слышны были и в других дворах.

Мальчишки в долгу не оставались, пререкались с ней и даже обзывали, а иногда привязывали веревку к дверным ручкам ее и соседки напротив, звонили в обе двери и сматывались, давась от смеха. За такие дела мальчишкам, и правым, и виноватым, иногда влетало от отцов, что только укрепляло их ненависть.

Молодежь постарше собиралась по вечерам в беседке и тоже вызывала проклятья старухи «хулиганам и проституткам». Гоняла она и алкашей, оседавших на ее лавочке. Милиция, получая от нее заявления, тоже не испытывала к старухе ни малейшего сочувствия, но двум встречным заявлениям от мальчишек, что она использует против них холодное оружие — бадик свой, и ругается матом при детях, тоже хода не дала.

А недавно во дворе произошло нечто странное. Старуха плелась из магазина с бадиком и сумкой, а впереди нее шла женщина с внучкой и детской летней коляской. Девочка, похожая на Мальвину, отставала, а потом и вовсе остановилась и сказала:

— Бабушка, я тебя люблю. Возьми меня на ручки, я тебя поцеловать хочу.

Лицо старухи вдруг исказило умилением, и она забормотала:

— Да какая ж хорошая девочка, ах ты, маленькая, да какая ж ты миленькая — бабушку она любит... поцеловать хочет...

Она еще долго причитала; женщина с внучкой уже ушла, а старуха сидела на лавочке своей, опершись на бадик, и бормотала: да какая ж хорошая... миленькая... бабушку любит...

Вечером на радость мальчишкам ее увезла «скорая».

В больницу к ней никто не приходил.

Домой она уже не вернулась.

Двухкомнатная хрущовка ее на первом этаже отошла государству, и это долго еще обсуждали жители подъезда.

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ

В октябре сосед, скучный и сумрачный тип, купил новенький «Рено-Логан». Он подолгу и с удовольствием протирал зеркала, поправлял коврики и беспокоился о погоде. В разговорах, которые он сам теперь охотно затевал, появилась уверенность и даже небрежность, а на лице — усмешка. Кризис же, и никто не может позволить себе новую иномарку, а он может.

В багажнике его автомобиля был идеальный порядок, сосед периодически покупал артефакты для машины и любовно перекладывал их в багажнике, меняя местами баллончики автокосметики, аптечку, запаску и инструменты. Лишь осенняя слякоть отравляла ему жизнь: за месяц он трижды побывал на мойке и каждый раз зачем-то покрывал машину воском.

С первым снегом в его разговорах прибавилось беспокойства: не испортит ли снег полировку и двери, не замерзнут ли замки. Он снова покупал — «незамерзайку» для замков, теплые чехлы, силиконовую смазку для дверей... Зимнюю резину он поставил задолго до заморозков и снисходительно объяснил мне, что резина теряет эластичность уже при плюс пяти — он читал об этом в надежном источнике.

А на днях с соседом случилась беда: на багажнике Логана появилась вмятинка, на переднем стекле — трещина, под глазом соседа — фингал, а одно боковое зеркало было и вовсе отломано с мясом. Выяснилось, что ему надо было развернуться из левого ряда, и его сзади «поцеловали». Сосед был в ярости: ты что, осел, не видишь, что здесь разворот?! А тот отвечал: ты сам осел, блин, надо вовремя поворотники включать! Ты же в левом ряду едешь, идиот!

Слово за слово, ну и...

А ГАИ, ну что ГАИ, какая теперь разница!..

Перемена с моим соседом произошла разительная: это был уже третий человек за три месяца, и каждый из них был сам по себе, со своим смыслом жизни. Усмешка исчезла; теперь он был сутягой с жалобным и скрипучим голосом, в котором слышалась яростная жажда мести всему миру.

— Жениться тебе надо, — сказал я ему.

— Ты тоже злорадствуешь, да? — прошипел он. — Ну ничего, ни-че-го...

Жалко соседа: мужик в самом расцвете сил, на улице чудесная зима, скоро Рождество и Новый год, детишки Деда Мороза ждут, а у него главная в жизни железяка повреждена.

ЗОЛОТОЙ Я ЧЕЛОВЕК!

Удивительное дело: Центробанк и правительство РФ ужесточили кредитную политику банков, регулярно отзывают у них лицензии и сообщают, что объемы кредитования в этом году идут вниз, а банки и сами стали бояться заемщиков из-за растущей безработицы. Но этой весной разные банки пять раз звонили мне или присылали прелестные письма о том, какой я законопослушный и добросовестный человек, и заслуживаю особых условий кредита. Даже из Москвы звонила девушка из известного банка и рассказывала, что я хороший, а с кредитной картой стану еще лучше! Берите свой паспорт и скорей бегите в наш офис — вам предварительно одобрена золотая кредитная карта со специальной (только для Вас!) ставкой.

И где только узнают они номер моего мобильника?

Банк, выдавший мне пенсионную карточку, тоже регулярно заманивает меня в свою переполненную долговую яму. Последняя эсэмэска звучала так: *«А.А., спешите получить предварительно одобренную для Вас золотую кредитную карту: лимит 75000 руб., специальная ставка — 25,9% годовых, бесплатное годовое обслуживание и sms-оповещение! Срок действия карты — 3 года. Ждем Вас в любом отделении с паспортом».*

А еще один солидный банк сделал встречное предложение: *«Уважаемый А.А.! Оформите вклад «...Выгодный онлайн» через интернет-банк и получите повышенную ставку до 12,35% в рублях».*

Лестно, конечно, что такие монстры считают меня солидным клиентом. Я их ни о чем таком не просил, а они уже «предварительно одобрили» — видимо, на каком-то совещании совета директоров. Но, ребят, вы чего? У меня пенсия лишь немного больше прожиточного минимума, а про цены в магазинах и аппетиты «поставщиков услуг ЖКХ» вы и без меня знаете. Да и пенсию мою правительство решило не индексировать ни на инфляцию, ни даже на 4% — за то, что я продолжаю работать.

Возможно, есть люди, которые займут денег в одном банке под 25,9% и отдадут их другому под 12,35%. Ущерб — 13,55% плюс инфляция. Столько надо заплатить за слова «золотая карта», «уважаемый А.А.» и прочие мои достоинства.

Спасибо за торжественное приглашение в яму, но я пока здесь как-нибудь, без фанфар.

ДИФЛОПЕ С КРУТОНОМ

На новогодний корпоратив в Мишкиной фирме одна дама принесла блюдо собственного приготовления: вот это то самое дифлопе с крутоном — мясо, запеченное с травами, и гренки. В ресторанах Москвы — от \$ 64. Крутон — от \$ 8.

Мишку я считал гурманом. Он рассказывал мне, как в ресторане «Петров-Водкинъ» в Москве официант на входе подает гостю на золоче-

ном подносе стопку водочки с малосольным огурчиком. И то же уходящему — на посошок. А между стопками официант нашептывает дорогим гостям про филе барашка, которого выпасали на восточном склоне Фудзиямы по утренней росе.

На приеме в Брюсселе возле его прибора стояли 5 рюмок и фужеров, 4 вилки и 3 ножа, и Мишка вынужден был подглядывать, что, когда и в какой бокал они наливают, какими вилками что едят и какими ножами режут. Ну, хамон, конечно, в начале трапезы — тонюсенькие, полупрозрачные листья сырого мяса.

Сиживал он за столами, сиживал — и как же такому бизнесмену не быть гурманом?

Но Мишка меня удивил: знаешь, сказал он, мы как-то с мужиками за рюмкой чаю стали вспоминать, что было самым вкусным в жизни. И оказалось, что ни барашек с Фудзиямы, ни дифлопе, ни хамон в памяти моей почти не сохранились. А самыми вкусными были две вещи. Первая из времен конца СССР, когда бригада молодых наладчиков с раннего утра пахала без перерыва в одном ярославском НИИ, а вечером поужинать не смогла: в общепитах даже куска колбасы не нашлось. Обошлись черствым хлебом и жуткими маринованными яблоками из гастронома. А следующим утром в Москве с поезда помчались в сосисочную на Смоленской, взяли по 9–10 сосисок с горчицей и мягкими булочками и целый час упивались ими.

Второе случилось в Минске. Там двух командировочных поселили в мотеле на отшибе от города, и к вечеру доставили их туда с работы. Но единственное в мотеле кафе было закрыто; здоровые, голодные мужики готовы были сожрать фикус в холле.

А потом случилось чудо: по холлу повариха несла на подносе вареную дымящуюся курицу. Запах ее был ошеломляющим, и курица в кафе не доехала. Они купили ее там же, в холле, рвали ее руками, обжигая пальцы и роняя на поднос горячий сок, — без хлеба и напитка, и божественный ее вкус остался в памяти навсегда.

А ты говоришь — дифлопе с крутоном.

ЭХ, ПРОКАЧУ?

Простояв полтора часа в пробках на Московском проспекте, я остро осознал, до чего ж злобное, подлое и неблагодарное изобретение — автомобиль.

В молодости я на троллейбусах добирался на работу от Домостроителей к Добролюбова максимум за час. Теперь в толпах пробок чадят десятки тысяч двигателей — аналог миллионов лошадей. В машине едет обычно один человек, и все это излишество выходит боком сразу трем стихиям, в которых мы живем, — воздуху, воде и земле. Не поддаются никакому учету мегатонны ядовитых газов и веществ, несущих воронежцам болезни и преждевременную смерть. Как-то вечером я вышел из маршрутки на перекрестке Кольцовской и Плехановской, задохнулся выхлопным смрадом и вынужден был сбежать в ближайший переулок.

Весь Воронеж забит машинами по самые гланды, как будто город накрыло мусором торнадо, пришедшее с автозаводов. Ими переполнены дворы, парковки, обочины (в два ряда!) и даже тротуары, газоны и детские площадки. Машины стоят под знаками «Стоянка запрещена» и «Остановка запрещена», умножая презрение взрослых и детей к законам, и никакие эвакуаторы вылечить эту эпидемию не в состоянии.

Сколько выкачанной нефти, металла, пластмасс и прочих материалов — и человеко-лет вложенного в них труда. Не счесть потраченных водителями нервов, расходов на бензин, запчасти и ремонты, техобслуживание и общение с ГИБДД — даже если небеса уберегли вас от ДТП. В погоне за понтами и мифом об автомобильных удобствах жизни многие воронежцы нырнули в долговую яму, и часть их обречена никогда из нее не выбраться.

Но если б только это! Убитых и раненых на дороге лихачами и пьяными больше, чем во всех локальных войнах страны. А сколько детей погибло там ни за что, ни про что...

И все ради чего? Чтоб ехать на работу или с работы в полтора раза дольше, чем на троллейбусе?

Сила действия автомобилей на природу равна силе ее противодействия, и расплата за нее неизбежна. Может, нам суждено мутировать в новую расу, и станет явью давняя шутка Савелия Крамарова про вылазку: спасибо, ребята подтащили к выхлопной трубе — еле отдышался.

Автозаводы продолжают покрывать города и веши злобредными монстрами, и никакого спасения от этой беды не видно.

ОДИН ДЕНЬ В ЖИЗНИ

На Новый год желают здоровья, благополучия и счастья в личной жизни. Успехов в бизнесе и делах. А ностальгии лучших дней — почему-то нет.

Стали как-то мы с женой вспоминать лучшие дни своей жизни и сошлись на одном.

В тот июньский день утром прошел слепой дождь, и мир был умытым и свежим. Решили поехать с детьми на озеро за Доном. Вот куда мы проникли: луг накрыт желтыми нарциссами в нежно-зеленой траве, и тишина наполнена стрекотом кузнечиков; среди цветов в отдалении стояли цапли, и коршун безмолвно парил над лугом и озерами, а потом соскользнул по небесному куполу на лес километрах в трех от озера; это настоящая дикая дубрава, как в мультиках детства. Вздох пели жаворонки, невидимые в голубой бездне.

Жена повела дочку собирать букет и посмотреть на цаплю поближе, а я забросил старую детскую удочку; через минуту она согнулась, и вскоре я выволок на берег огромного карася. Был бы он агрессивней, от тонкой лески и даже самой удочки только пух и перья полетели бы, но карась не нарушал безмятежной гармонии дня.

Сын стал нить, я отдал ему удочку и вскоре помог вытащить еще одного карася — это была его первая крупная рыба. Подошли с букетами жена с дочкой и начали было рассказывать про цаплю, но заглянули в ведро и были потрясены.

Силы зла должны были для равновесия как-то подперчить этот день, и на обратном пути мы застряли в одной из луж. Жена попрощалась с джинсами и кроссовками и пошла толкать машину, оставив спящую дочку на заднем сиденье.

Попытки выбраться оказались безуспешными, и я позвал сына. Жена была в ужасе: десятилетнего малыша за руль? Но выхода не было. Я показал ему, как и что делать, и не раз повторил. Сын был послушен, как никогда в своей жизни, и напряжен, но все получилось: вскоре мы с женой по уши в грязи вытолкали нашу «ласточку», и на лице сына сквозь серьезность плескался восторг: он стал взрослым.

Потом уже, когда легли мы спать, этот день остался с нами и дышал рядом. Ночь была наполнена эхом стрекота кузнечиков и пения жаворонков, мерцанием воды с поплавком среди кувшинок, колдовской дубравой, синевой небесной бездны и беззвучным полетом коршуна.

Ну, за лучшие дни!

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП

Я не узнал его, хотя когда-то мы были однокурсниками, после политеха вместе работали на «Процессоре» и даже играли в футбол в одной команде, а в 90-х он стал «челноком», потом успешным бизнесменом и даже баллотировался в Госдуму.

Теперь он был сморщенным, как старуха, опирался на палочку, и руки его дрожали. Он завел меня в ближайшее кафе и «за рюмкой чаю» стал вдруг делиться житейскими своими заморочками; ему явно требовалось выговориться.

Вот с сердцем недавно стало плохо — небольшой инфарктик. Следующий станет последним. Нет, алкоголь не опасен. Наоборот, он кровь разжижает. Да и хрен с ней, опасностью; главное, что-то важное потерял. Всю жизнь положил на гонку, а когда прищемило, оглянулся — бабло есть, а все хорошее куда-то подевалось. Помнишь тренировки на полях у лестеха? Тихое утро, свежесть, листва весенняя, тренер хлопает в ладоши: побежали, мальчики, побежали! И бежишь, такой упругий, что взлететь можно. Классно было, да?

Недавно вот сына женил: ресторан, гости дорогие и важные, стол царский, а у нас с женой свадьба была в двухкомнатной хрущовке, да и жили потом в ней же: тесть с тещей, мы с женой, ребенок — и разве тесно было в «двушке» впятером? Раньше ездил на «копейке» и сам ее чинил, а когда купил свой первый «мерс», радости было полные штаны. С тех пор сменил полдюжины иномарок, но прежнего восторга уже никогда не испытывал. Теперь вместо хрущовки — коттеджик, и себе, и семье сына, а на фига нам столько комнат на двоих с женой? И уже лет сто я не читал хороших книг; а помнишь, как мы о них спорили?

Нет, в хрущовку назад не хочу, а вот жизнь эту поменял бы на прежнюю охотно.

Оказывается, не в ресторанах дело, не в коттеджах и не в бабле. Тогда мир был добр, а с 90-х стал злым. Друг детства, с которым вместе бизнес делали, умер, и так ему и надо, потому что предателем оказался. Живешь в вечном беспокойстве: надуй ближнего, пока он не надул тебя. Даже поговорить по душам не с кем. Многие заискивают, а отвернешься — продадут. Даже забота о детях идет им только во вред: ты их отделишь от других баблом и создаешь в них душевный перекося. А ведь он эти деньги даже не заработал! Халява, блин.

Потом я ушел, а однокурсник мой остался в кафе разговаривать по душам с последним собеседником — с вискарем.

ЗАМОРИТЬ ЧЕРВЯЧКА

В Европе возник новый продуктовый тренд. Британская компания Grub построила модный бизнес на энтомофагии: предлагает кушать насекомых. Китайцы считают, что есть можно все, что шевелится, и ничего, каждый третий на планете — китаец. Агентство Bloomberg сообщило, что

20% европейцев готовы попробовать насекомых, так что новая индустрия имеет огромный потенциал и обещает изменить структуру питания западных стран. Мы ведь едим мед — рвоту пчел, шеллак (глазурь для конфет и таблеток) — экскременты червецов; кармин, красный пищевой краситель, — перемолотые самки жуков. А в США быстро нарастает производство батончиков из сверчковой муки. По сравнению со скотом, на выращивание которого уходит 70% ресурсов всех сельхозземель и воды, насекомые невероятно экономичны и экологичны, и в расчете на кило корма дают в 12 раз больше качественных белков, чем корова.

Grub продает кузнечиков, сверчков, мучных червей и личинок жука чернотелки в красивой упаковке. Фирма уверена, что люди распробуют их и полюбят: «Они мясистые и хрустящие, а поджаренные по вкусу похожи на креветки или бекон. Нужно просто привыкнуть к ним».

С детства я не мог понять, как могут соседствовать голод и нашествие саранчи. На Востоке кузнечиков едят да похваливают; отчего ж на юге Воронежской области бьют тревогу о нашествии саранчи? Это ж как если б хлынули на луга наши индюки и кролики, а в Дон — семга, устрицы и омары. Поставил ловушки для саранчи и знай отвози на склад запасы питательной еды. И урожай цел — со всех сторон сплошная польза!

Чистая психология: отродясь на Руси не ели лягушек и устриц, но завезли моду из Франции, и теперь это дорогой деликатес. А я в детстве этих устриц (мидий или как их там еще) набирал в Дону ведрами — для уток. И утки от них просто с ума сходили. А мы эти дары Дона почему-то не ели. Зато уток — с удовольствием.

Все относительно. Йоги говорят: вы — то, что вы едите, но раки, питающиеся тухлятиной, считаются у нас деликатесом, а тараканы, кормящиеся практически с нашего стола, — мерзкими. Саранча, вкушающая нектар и травку, тоже персона нон грата. Хотя это ж просто манна небесная.

Да и против моды не попрешь.

ДВОЕ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Соседка Ольга Борисовна во дворе не появлялась с тех пор, как умер ее муж.

А потом я увидел ее с дворняжкой на поводке, и она сказала мне, что если б не приютила свою Лиску, умерла бы от одиночества и несправедливостей; Бог дал ей этого песика в утешение.

С тех пор я часто видел ее с Лиской — очень робкой: от всех своих страхов она пряталась за спину хозяйки. Ольга Борисовна тихо разговаривала с ней, как когда-то с мужем на лавочке или когда они степенно шли по двору. А если на Лиску лаяли дворовые собаки, Ольга Борисовна говорила им: что вы ругаетесь! Что о вас люди подумают? Ну, не стыдно? И собаки всем видом демонстрировали: стыдно — не то слово. И ждали угощения.

Как же я могу не покормить их, говорила Ольга Борисовна, если бездомные эти божьи твари узнают меня... Я в ответе за тех, кого хоть раз покормила. Бомжами — это вам не на теплой кухне и не в кресле с хозяйкой.

Она объясняла мне, что многие люди, приютившие собак, отвечают на их благодарную любовь такой взаимностью, какой сами от себя не ожидали. А это чувство совсем рядом: бездомных полно во дворах и на

улицах Воронежа. Зимой, наверное, многие из них погибнут, а летом выжившие будут безмятежно спать, откинув лапы, в проходах между киосками или на остановках. И ждать кого-нибудь — ну, как дети в интернате.

МАРС АТАКУЕТ

Как и предполагали многие уфологи и режиссеры, инопланетяне давно уже обосновались у нас на планете. Есть явные признаки, что в качестве базы они избрали территорию самого большого государства — России. Но, вопреки расхожим сценариям, завоевание они ведут не открытым боем, а медленно и неотвратимо подтачивая нормальное существование людей и погружая нас в первобытный хаос.

В Воронеже можно видеть множество очевидных проявлений их разрушительной деятельности. Цивилизованный хомо сапиенс, например, не гадит там, где живет, а марсиане делают это методично и планомерно, выживая землян из мест их компактного проживания. В Северном лесу, объявленном мэрией заповедным, бригады марсиан устраивают пикники с шашлыками — возможно, из пропавших без вести землян. Они засыпают лес самым разнообразным мусором: пакеты от сока, окурки, пачки от сигарет, пластиковые пакеты, ключья бумаги, бутылки от пива, водки, шампанского. Некоторые земляне сопротивляются соблазну хаоса и собирают за собой мусор, но не уносят его, а сваливают в лесные ямы или развешивают в пакетах на деревья; их еще можно вылечить от инопланетного вируса, однако лечением никто не занимается.

Марсиане, принявшие вид землян, охотно устраиваются водителями грузовых автомобилей и вместо свалок вываливают мусор в укромных уголках леса.

Летом марсиане устраиваются на берегах заповедных воронежских речек с таким набором спиртного, с которым желудки землян в принципе неспособны справиться, и оставляют после себя мерзкие натюрморты, навсегда отбивающие у землян желание посещать эти места. А для самых стойких врагов марсиане вместе со своими женщинами устраивают там представления с пьяными разборками, битьем посуды и драками.

Подрывную деятельность они ведут и в подъездах жилых домов, где оставляют пакеты с мусором внутри и возле лифта, на общих балконах и в подъездах.

Для многих воронежцев нашествие инопланетян очевидно: именно поэтому на апрельский субботник вышло народное ополчение — почти двести тысяч жителей области, а в самом Воронеже — под пятьдесят тысяч. Но опасность оккупации сохраняется: отличить марсиан от землян практически невозможно.

ТИШЬ БИБЛИОТЕК

Впечатление, что книги отходят в мир иной, оставляет неприятный осадок. В них были совсем не книжные любовь, доброта и благородство, нещадно истребляемые ныне интернетом и телеканалами. Так жаль, что «буйство глаз и половодье чувств», переполнявшее детство нашего поколения, теряет ценность и уходит в бездну, как испанский галеон с сокровищами.

В воронежских библиотеках еще остались хранители — люди, которых, видимо, совершенно не инфицировал Золотой Телец. Некоторые из

них уверенны, что хорошая книга — даже лучший воспитатель, чем семья и школа. И что многие люди в истории человечества могли бы повторить вслед за классиком: «всему хорошему во мне я обязан книгам».

Интернет побеждает книги за явным преимуществом, но мало кто сможет сказать «всему хорошему во мне я обязан социальным сетям». А сетей этих много, они безбрежны и легко топят в своей бессмысленности тех, чей коготок в них увяз. Психологи утверждают, что соцсети неотвратимо становятся зависимостью хуже даже игромании, не говоря уж о наркотиках, и один из интернет-провайдеров косвенно подтвердил это рекламным лозунгом «На интернет-зависимых не наживаемся!»

А женщины-библиотекари (мужские организации, похоже, беззащитней перед инфекциями) сохраняют в недрах своих душ какое-то очень важное начало, из которого суждено возродиться человеческой цивилизации, не отравленной фальшивыми смыслами. У них глаза светятся богатством впечатлений от любимых книг и готовностью рассказывать о посетителях, которые «мы с тобой одной крови — ты и я». И радостная же, несмотря на нищенские зарплаты, готовность провести потерявшегося странника по лабиринтам своих пещер Алладина.

Ни разу не встречал библиотекаря-пессимиста. Я знаю: их делает такими энергетика залежей чужого опыта, в котором есть все, что еще неизвестно молодым, уверенным в своей уникальности. Библиотекари жалеют их и любят, им доступна высокая мудрость сочувствия и щедрости, которые выше любых нынешних ценностей золотого божества, — и это очевидный и главный секрет времени, покидающий нас в сопровождении племени последних могикан.

АНДРЕЙКА

Человек этот стоял за киосками на Северном рынке в странной позе. Голова его клонилась вниз, как у засыпающего ребенка, и колени начинали медленно сгибаться. Он будто пытался сесть и заснуть, но садиться было не на что, он встряхивался и выпрямлялся, а потом снова начинал клониться и приседать, чуть не падая.

Люди шли мимо, и я прошел бы — мало ли нынче наркоманов, но лицо его показалось мне знакомым. Я подошел ближе и узнал Андрейку, сына моего институтского друга. Когда-то друг был ведущим инженером в НИИ Электромеханики, а после разграбления института рейдерами пошел в челноки, и тоже успешно: поставил павильон с автозапчастями, купил двухкомнатную хрущовку. Тогда и Андрейка родился. Но со временем в их семье началась черная полоса: друг развелся с женой (челночный поток многие семьи перекроил), павильон сгорел, а потом друг мой стигнул в одной из поездов. Просто исчез, и все.

Я тронул Андрейку за плечо, но он не реагировал. Пришлось натереть ему лицо снегом, и тогда он посмотрел на меня, но не узнал.

Я отвез его на такси домой и долго обшаривал его одежду возле двери, пытаюсь найти ключ. В конце концов, ключ нашелся под половиком, за что я Андрейку сильно обругал, но он меня не слышал.

Оказалось, что воровать в этой квартире нечего. Разве что лампочку, перекошенный диван и грязную газовую плиту.

Андрейку я уложил на диван, и он заснул. Мне повезло: замок оказался с защелкой, и ключ от квартиры я оставил на кухонном столике.

По дороге домой через Северный я видел много оставленных наркото-

говцами следов: их телефоны были на столбах, заборах и гаражах; при жेलании я мог бы выследить любого из них и разбить морду в кровь, но вообще-то этим должны заниматься профессионалы — ну, пусть занимаются.

Лифт в моем подъезде снова не работал, и на пожарной лестнице шприцы лежали на многих этажах.

Когда-нибудь нынешняя эпоха безвременья закончится, наступит эра милосердия, и хранители закона и порядка будут удивляться: что, и вправду, наркоторговцы прямо на заборах писали свои телефоны?!

И ведь не поверят.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Очаровательная молодая женщина в детском парке у «Арены» трепала за руку и волосы свою маленькую дочку:

— Куда ты уперлась, дрянь такая?! Что, нельзя потерпеть, пока я по телефону говорю с подружкой? Стой здесь, я сказала! Что ты реवेशь, как дура последняя? Только посмей еще раз куда-нибудь пойти без разрешения!..

Сударыня, мне надо сказать вам что-то очень важное.

Дети гораздо ближе к смыслу жизни. Они искреннее, честнее и добрее нас, они настезь открыты миру и легко забывают обиды. И умеют бурно радоваться тому, чему мы давно уже радоваться разучились.

Мы ведь тоже были детьми. И тогда все было для нас по-настоящему. А теперь считаем детей еще маленькими и глупыми, пичкаем их нашими смыслами и пустыми хлопотами, а сами с ностальгией вспоминаем собственное детство. Мы набрались житейского опыта и уверены, что намного умнее этих коротышек — но почему ж не можем так радоваться жизни? Может, нас вообще занесло куда-то не туда?

Дети просто мудрее нас и знают о смысле жизни что-то очень важное. Мы тоже знали раньше, но забыли. А в заповеди сказано: **будьте, как дети**. И мало кто задумывается, что она значит. В наших-то координатах это звучит чушью!

А значит это, что небеса посылают к нам ангелов, чтоб мы совсем не зачерствели от своих суетливых и искаженных смыслов жизни. Но мы легко меняем общение с ними на суету, которую считаем необходимой и даже главной в жизни.

Они любят нас искренне, и совершенно беззащитны перед нашим гневом. Они и капризничают-то зачастую лишь ради того, чтоб их пожалели и приласкали, но обычно вместо ласки получают по попе и потом долго и безутешно ревут, а взрослые вместо того, чтобы залечить эту рану, заставляют детей подчиниться насилию. Мы их воспитываем, ругаем и даже наказываем, подавляя мир жизнерадостных фантазеров правилами вечно озабоченных взрослых. А их не надо воспитывать. Детям надо верить, как самим себе. И просто любить их.

И тогда жизнь изменится.

«ИЗ-ПОД ЛУГАНСКА МЫ...»

Возле райцентра Павловск на трассе случилось ДТП. Старенький «Москвич» зацепил две машины и стукнул в зад еще одну. Водители окружили растерянного виновника и размахивали руками: ну ты попал, мужик!

Жена его и дети сидели в машине молча, с застывшими лицами. Позже, когда вокруг мужика сгустились пострадавшие, она открыла дверь и стала звать: Алеша! Алеша!..

Оперативно подъехала ГИБДД и тоже сообщила, что мужик попал. А тот сказал: нет у меня ничего. Из-под Луганска мы. Ни гражданства, ни страховки российской, ни прописки, ни дома, ни денег — только на бензин до Волгоградской области. В селе там родственники живут, и адрес у нас есть, а связи давно с ними нет. Вот едем наугад. Больше некуда бежать. Пострадавшие еще немного помахали руками — типа, это твои проблемы, а потом стали спрашивать и узнали, что убежать от войны можно только ночью; вот похватали все ценное, что в одном бауле поместилось, и вместе с еще шестью семьями выехали на машинах. Один раз под обстрел попали, и на передней машине следы от пуль остались, но Бог миловал, все живы. Потом одна машина заглохла и так и осталась на дороге.

Ночью дети просыпались, и жена закрывала им глаза, чтоб они не увидели трупы на обочинах и заглохшие или сожженные машины, но они все равно видели. Но не плакали; просто молчали как рыбы и смотрели. Жили-жили и не думали, что такое будет... Ничего нет, простите, ребята. А я сутки уже за рулем. Не знаю, что теперь.

Пострадавшие больше не махали руками и все спрашивали — как там это, как то. Да как — дети даже в жару окна закрывали, чтобы пули в квартиру не залетели. Мы им говорили: «Не бойтесь, это фейерверки пускают». А ночью машина по улице пройдет — и все, они больше не спят. А уж от стрельбы... В городке осталось много семей с детьми: не на что им ехать, и никто их нигде не ждет. Старики тоже остаются. Бросить все и уехать можно на автобусе, на машине, если своя есть и на ходу, а еще пешком. Лучше всего на автобусе, их ополченцы сопровождают, а в России встречает МЧС. Ну, а мы сами...

Гаишники тоже примолкли, потом один сказал: ничего, братан, поможем, чем сможем, давай протокол нарисуем по-умному, может, еще удастся и со страховкой решить... Водитель наименее пострадавшего авто — крыло поцарапано — сказал виновнику: слышь, возьми вот. И дал ему тысячную бумажку. И другие тоже потянулись: возьми, братан... Держись.

Потом уже, когда толпа рассосалась, один из водителей сказал: блин, кому б морду набить?!

Но стыдно — это когда лицом к лицу. А в интернете воронежцы по отношению к беженцам радикально поделались на две части, будто притянуло их к разным полюсам магнита. Споры начались, когда в одном из детских лагерей под Воронежем досрочно прервали смену из-за притока беженцев; родителей обзвонили и предложили забрать детей за четыре дня до конца потока. Позже второй поток в некоторых лагерях и вовсе отменили; что дальше — никто не знает. Мэрия извинилась за возникшие неудобства и попросила воронежцев отнестись с пониманием. Многие так и отнесли. Но не все. Некоторые возмущались: все это, конечно, благородно, но почему за счет наших детей?! Чиновники оправдывались, что родителей просто попросили пойти навстречу людям, спасающимся от войны. Но интернет бурлил: дети наши страдают из-за них, пусть в Сибирь едут, там много брошенных деревень, а тут им лагеря... Почему за наш счет?

Недовольным отвечали: да ничего страшного, пусть потерпят наши детки, подумаешь, на пару дней смену сократили. Как можно сравнивать

отдых в лагере и состояние детишек, увидевших кровь и смерть? Вы что, звери? Люди, кого вы хааете! Бедняги потеряли все! Наверное, навсегда. Среди них богатых нет; богатые делят добычу, а бедные — несчастья. Если бы вы видели, как дети беженцев пугаются грома. Они тихие, как мышата, и никогда не садятся против окна, чтобы при взрыве стеклами не поранило.

В ответ: а мне что делать прикажете, куда мне ребенка девать? Или мне с работы увольняться?

Тем временем в мэрии Воронежа чуть не каждый день проводили совещания: число беженцев в области росло не по дням, а по часам, и детей среди них больше, чем взрослых; каждая вторая семья — многодетная. Но у нас еще ничего, а в Ростовской области уже 14 тысяч беженцев! И каждый день туда въезжало около 10 тысяч. Всех разместить там невозможно, и многие едут дальше, в неизвестность. Кому-то повезло, и они нашли приют у родственников и знакомых. А также у незнакомых, но добросердечных.

Администрации и общественные организации собирали гуманитарную помощь для беженцев: нужны теплые вещи, средства гигиены — от памперсов до туалетной бумаги, стиральные порошки, мыло, шампунь, постельное белье и полотенца, игрушки, детские коляски и велосипеды, ковры, одеяла. Из продовольствия — крупы, консервы, детское питание. Помощь воронежцы приносили охотно.

Главное — живы и есть какая-то крыша. Пока. К сентябрю детям надо бы в школу. Но даже получить официальный статус беженца не так-то просто: мешают законы.

А водитель тот, виновник ДТП на трассе под Павловском, растворился где-то на дорогах страны. Вместе с женой и двумя малышами. Девочкой и мальчиком.

АНГЕЛЫ АПОКАЛИПСИСА

Заголовки в воронежских СМИ только за один день («жесть, читать до конца!»).

«Мужчина с 5-го этажа прыгнул на дерево и сорвался».

«У многоэтажки на ул. Маршака искали бомбу».

«Видео драки у кафе «Прага», в которой убили 20-летнего парня, появилось в интернете».

«В Воронеже на железной дороге нашли пропавшую девушку из Мурманска».

«Во время строительных работ рухнул целый этаж нового здания».

«В Воронежской области хулиган избил полицейского, пытавшегося его утихомирить».

«Воронежца, которого чуть не убила жена, спасли соседи».

«19-летний воронежец похитил из торгового центра спортивный костюм».

«Супруги из Воронежской области перевозили героин в «Оке» с наклейкой «Инвалид».

«В Воронеже ищут родителей годовалого мальчика, которого нашли на ул. Космонавтов» (оказалось, что малыша, мешавшего папе с мамой выпивать, они отвезли, куда подальше, и бросили — А.Я.).

«Инспекторы ГИБДД задержали автомобильного вора».

«Воронежец, жестоко убивший и обокрававший пенсионерку, пойдет под суд».

«Житель Воронежской области кувалдой убил своего приятеля».

«Пьяный мужчина угнал автобус у водителя, оставившего ключи в замке».

«В Воронеже сбили игравших во дворах многоэтажек детей».

«Трое неизвестных, ворвавшись в квартиру воронежца, избили и ограбили его».

«В лесополосе обнаружили тело ранее судимого мужчины».

«Хозяйка квартиры ударила кухонным ножом в живот своего гостя».

«Воронежская больница заплатит 850 тысяч за смертельную врачебную ошибку».

Потом была сумасшедшая бабушка, убивавшая свою внучку, все СМИ заполнились жутью ее отчаянного безумия и жадно перемывали и обглаживали бабкины косточки.

Чуть позже наступила эпоха маньяка с ножами и списком жертв, успешного зарезать помощницу прокурора, и мания наступила не только во всех местных СМИ, но и в федеральных, которые жадно трезвонили и строчили мэйлы воронежским коллегам в ожидании малейших подробностей: а маньяк сам застрелился, или полицейские его завалили? В лесу или в укрытии? А что любил маньяк на завтрак? Что писал он в своем дневнике? А сколько ножей у него было с собой? А кто из его родственников был на опознании? Сын? Плакал сын? Сильно плакал? А сын — нормальный или тоже маньяк?

Некоторые известные психиатры уже начали бить тревогу: в стране нарастает количество неадекватных людей! Но никто из «чернушных» газетчиков не догадывался об элементарных основах психиатрии, о заповеди «не навреди» и о том, что вал их жутких «новостей» способен вызвать новые безумства. Особенно в кризис.

Куда я попал? Это мой родной город или Содом и Гоморра? На каких улицах, в каких домах Воронежа живут все эти ангелы апокалипсиса? Тут их десятки всего за один день; за двадцать тысяч дней жизни выходит почти полмиллиона. А я больше полвека прожил в Воронеже, но так ни разу не встретился ни с одним. Да нет у меня ни одного такого среди друзей и знакомых! И ни у одного из знакомых и близко нет в жизни такого вала чернухи, как в некоторых воронежских СМИ. А под окном моего дома очаровательная девочка, похожая на Мальвину, целый час старательно выводила цветными мелками надпись на асфальте: «С днем рождения, дорогая мамочка!». Не гнался за ней маньяк с ножами и не преследовала ее бабушка с поехавшей крышей.

Что с нами не так?

НОСТАЛЬГИЯ ПО ФУТБОЛУ

10 декабря — Всемирный день футбола. Так решила ООН. И по всему миру в честь его проводят товарищеские игры, которые лучше бы называть дружескими.

Считается, что футбол зародился в Англии. Это не так: он зарождается в душах. Причастные к нему — это даже не спортсмены: это каста. Члены ее узнают друг друга по общению с мячом. Как человек трогает его ногой или катит партнеру. Достаточно секунд, и понимаешь: мы с тобой одной крови — ты и я.

Выезжаете вы с трудовым коллективом на вылазку и на природе устраиваете «дыр-дыр». А в коллективе есть человек неприятный или даже враждебный. Но вот вы попадаете в одну команду, и сразу понимаете: он — свой: так же любит неожиданный мягкий пас, удары с носка по воротам (непосвященные называют их грубым словом «пыром»), и готовность открыться.

И человек этот больше не враждебный или неприятный; ты даже испытываешь к нему нежность, как и в любом случае, когда враг оказывается другом.

А когда вы станете старыми, то все равно останетесь в касте и будете смотреть на чей-то азарт, испытывая желание, но не имея возможности, и с вами навсегда пребудет вот что: весна, футбольная полянка с пахучей зеленой травой, ребята выходят на нее, что-то обсуждая и разминаясь, а потом тренер хлопает в ладоши: побежали, мальчики, побежали! И ты бежишь, пружиня и легко переключая скорости своего беззаботного, воздушного тела, готовый посоревноваться с кенгуру или антилопой, и память об этой легкости и свободе остается с тобой навсегда — во веки веков, аминь.

ДРАКОН БЬЕТ ХВОСТОМ

С Ольгой Николаевной мы долго были соседями в доме на Лизюкова, и я много знал о ней. А еще больше знал об ее матушке, которую жители дома звали бабушкой Ларисой.

Удивительно светлым и доброжелательным человеком была эта бабушка, несмотря на то, что передвигалась она в инвалидной коляске, и лет ей было уже за 90. Ольга Николаевна по вечерам вывозила матушку погулять в соседний парк, а я «гулял» собаку. Мы много разговаривали втроем, и от разговоров с бабушкой Ларисой трудно было не улыбаться, а смерть казалась не концом, а дверью в неведомое.

В 18 лет девушка Лариса пошла на фронт санитаркой. Закончила войну в Восточной Германии. Ни одной раны. Много она там повидала, но осталась веселой, энергичной хохотушкой. Кровь с молоком. Сроду не болела, и в поликлинике у нее даже карточки не было. Однако разговоров о войне терпеть не могла, и даже встреч с однополчанами избегала.

Война достала ее через сон — как Фредди Крюгер. Раньше она говорила дочери, что бог ее любит, поэтому война ей не снится. Но в новом веке бабушке Ларисе впервые пришлось вызывать «Скорую». Потом уже, когда выписали ее после инсульта из больницы, она призналась, что перед этим ей сон приснился про войну, и это была кара небесная за что-то. А за что — неважно, у любого человека грехов хватает.

Второй инсульт настиг бабушку Ларису лет через пять после первого, и случился он тоже после сна о войне; тогда ее и стали возить на инвалидной коляске.

Недавно был и третий инсульт — последний, и бабушка Лариса уже не могла рассказать дочери, что снилось ей перед этим.

Ольга Николаевна говорила мне, что те, кто пережил войну, были уверены: эта жуть, бред воспаленного сознания никогда больше не повторится — иммунитет получен такой, что до скончания веков хватит.

Однако с тех пор этот бред возникает регулярно, и озверелость взаимного истребления только нарастает.

Можем повторить?

Нас было четверо в хрущовке на Домостроителей, мы еще в 6-м классе поделили между собой имена мушкетеров, и один из нас навсегда остался Портосом. Была дружба навеки и первый магнитофон «Айдас», а потом появились «Битлз». Они распахнули перед нами дверь в неведомый мир, мы вышли в него, как Алиса в страну чудес, и там записывали эти чудеса по пять рублей с диска и по трояку с кассеты.

Все четверо поступили: один — в ВГУ, другой — в лесной, а мы с другом — в политех, и его отец, работяга с мехзавода, называл этот институт благоговейно: полит-технический.

Мы издавна мечтали: когда-нибудь у нас будет общий дом, а в нем — шикарная стереосистема и фонотека, будут красавицы-жены и общие вечера в гостиной.

Когда «Битлз» распались, мы устраивали пылкие разборки, кто виноват в этом, и поклонники Леннона и Маккартни были так же непримиримы, как фанаты московского «Спартака» и киевского «Динамо».

Теперь двое из битлов уже в царствии небесном, как и половина нашей четверки, а на живых смотреть больно: неужели и мы так состарились?

Где-то в шкафу хранится у меня тяжелая стопка дисков, там есть Led Zeppelin, Deep Purple, Yes, Uriah Heep, Genesis, Dire Straits и много чего еще, а самый ностальгический из них — «Белый альбом» «Битлз».

Они были с нами в печали и в радости здесь, в Воронеже, и остались с нами навсегда.

БАБЛО И ДЕТИ

В песочнице занимались детскими своими делами трое малявок, а рядом остановился знакомый бизнесмен и удивился: что, все твои? Я сказал: да, эсэмэски мои — Света, Маша и Сережа. Погодки, что ль? — спросил он. Да, ответил я. Виктор пробурчал: богатый ты дедушка; а взгляд его почему-то был злым. Я не понял, почему: ведь когда мы с этой стойкой идем по Северному лесу или по двору, то все встречаемые на малявок моих улыбаются. И некоторые тоже говорят: какой вы богатый!

А потом он рассказал, что его единственный внук — такой же малыш, но Виктор видится с дочкой и внуком только по скайпу, потому что живут они в Италии; мальчик не говорит по-русски, и родной дедушка для него — чужой дядька. А сын Виктора учится в Англии, и будут ли у него когда-нибудь дети, неизвестно.

И на хрена я строил здесь свой бизнес, сказал Виктор, пахал сутками, как папа Карло, отбивался от всяких уродов — кому все это надо?

Ну и переехал бы, сказал я, в Италию свою. Или в Англию.

Нет, ответил он. Разлетелись птенцы, не угонишься. Пустое гнездо осталось. В коттедж, блин, столько сил и бабла вложил. Да и не нужен я им. И никому теперь на хрен не нужен.

Вот. Добился человек коммерческого успеха и пошел по дорожке российской «элиты». Которая очень озабочена с трибун, что самые большие материальные проблемы в нашей стране — у многодетных. А в соцсетях хватает людей, которые уверены, что многодетные семьи сегодня бывают только у алкашей или полных лохов.

Мы с Виктором оба как-то не совпали с целями и смыслом государства нашего. Бабло и дети в России никак не гармонируют. Жизнь либо

заставляет детей вовсе не родиться, подавляя само естество человеческое, либо тянет в бедность, либо развращает. Четвертого не дано.

И всех нас поставили перед этим выбором.

А телевизор твердит, что российская власть очень-очень озабочена демографией, любит детей, как родных, и мечтает, чтоб каждая ячейка капиталистического нашего общества была многодетной.

Тогда что с нами не так?

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕДА МОРОЗА

Ведь что удумала эта малышня, погодки Света, Сережа и Маша. Они в последнее время стали вдруг послушными, иногда закрывались в своей комнате и шептались; мама их даже забеспокоилась: может, заболели эти «энерджайзеры»?

Потом я обнаружил в их комнате тайник и в нем — два мотка суровой нитки, кнопки, детские ведерки с морской галькой, бублики, печенье и конфеты.

Логичных объяснений тайнику не нашлось. Я завел беседу с младшей, Машуткой. Она сначала отпиралась и отводила глаза, но в них прятался «секретик». Потом вдруг заплакала и сказала, что боится за Деда Мороза.

Оказалось, что перед новогодней ночью человечки протянут бечевку возле двери и поставят ведерки с галькой; такую же сигнализацию проведут возле балкона и на подоконниках. Дед, войдя в их комнату, споткнется, ведерки загремят, человечки проснутся и, наконец-то, встретятся с ним. И узнают, как он проникает в дом, когда все закрыто, и почему им раньше не удавалось его увидеть.

Он им покажет мешок с игрушками, и они сами выберут себе подарки. Сереже, например, очень нужен радиоуправляемый бульдозер.

Свете очень хотелось погладить оленей; это для них она припрятала угощение.

Еще человечкам надо поговорить с Дедом Морозом про снеговиков и Снегурочку. Где живет она и откуда взялась, и почему снеговики носят на голове ведро; может, лучше шапку? И нельзя ли прокатиться на санях с оленями — ну хоть немножко. А еще надо выяснить, как Дед Мороз успевает всех детей обойти — может, он летать умеет?

А Маша беспокоилась, что Дед Мороз в темноте споткнется и разобьет себе что-нибудь до крови; с людьми такое бывает. Ему ж тогда йод надо. И вообще, вдруг Дед Мороз рассердится и больше никогда не придет.

Я уверил ее, что ничего плохого с Дедом Морозом не случится; он в темноте хорошо видит и никогда не спотыкается. И вы наверняка еще увидите его — например, он умеет сниться детям. Это даже интересней, чем наяву.

Мы договорились с Машей никому об этом разговоре не рассказывать и хранить нашу тайну вечно.

МОРСКОЙ ПОКЛОН

В дебрях Коминтерновского кладбища рядом с зарослями кустарника и кучей мусора сидел за ржавой оградой на лавочке морской офицер. Парадный мундир он скинул вместе с кортиком, галстук был расстегнут, прическа взмокла, а у ног лежала саперная лопатка и грабельки. Рядом на лавочке — початые бутылка коньяка и шоколадка.

Ту могилку давно никто не убирал, и я поинтересовался, к кому он пришел. Слово за слово, я сказал, что рядом похоронен мой отец, и мы выпили по стопке за души всех умерших.

Андрей рассказал, что он здешний, из Подгорного, но детство провел в детдоме; что поделаешь, в селах многие пьют. Ни отца, ни матери он не помнит, а единственный светлый человек из его памяти — училка математики; это ее могилка. Она жалела его. Снабжала книжками. После «Острова сокровищ» Андрей так мечтал стать юнгой и плавать в неизведанное, что часто и заснуть не мог.

Он усмехнулся и процитировал: «До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о берега острова, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!»

А еще эта училка, Евгения Ивановна, внушила ему любовь к точным наукам и красоте логики. Ну, как монахи Шаолиня владели кунфу, так и Андрей к концу школы владел математикой. А заодно и физикой. На олимпиадах побеждал. Сирота, блин, из маргинальной семьи.

Ну, сказал он: «За настоящих Учителей!»

ХЕМИНГУЭЙ И ДЕТИ

В этот день Хемингуэй возникал в моей жизни дважды. Сначала на встрече с выпускным классом школы. Говорили о литературе, и я был уверен, что каждого из них покорила бы роман «Прощай, оружие» — это ж не о войне, а о любви; такая книга остается с тобой навсегда.

Оказалось, эти юноши и девушки не только «Прощай, оружие» не читали, но и о Хемингуэе не слышали.

А вечером я встретил друга юности возле кафе. Он был уже теплый и повел меня внутрь, за свой столик, накрытый надолго.

Поднимали тост за родной политех и студенческие годы.

— Подменили нам душу, Сань, — говорил он, пьянея. — Забрали ее, положили доллар. Жена меня попрекала, что мужа у нее нет, и отца нет у сына. А я был! Пахал, как папа Карло, и мне упреки ее казались дурными — я ж ради вас эти деньги чертовы зарабатываю! А теперь думаю, в чем-то она была права. Да поздно — старый я уже. И на фига мне теперь бабло? Ну, разве что сыну. Хотя он и сам успешный, ага. У него одно бабло на уме, а вместо души — интернет и смартфон. Роскоши человеческого общения они тоже лишены.

Я рассказал ему о встрече с выпускниками, и он воскликнул:

— Ну, да! Да! Книг хороших не читают — вот и нет у них души. Помнишь, как мы спорили о книжках? Э-эх!.. А эти даже Хемингуэя не знают. И вообще никого. Лондон знают, а Джека Лондона — нет. Кто-то лишил их настоящего богатства, которым мы упивались. Я по ночам читал, с фонариком. И портрет Папы Хэма в моей комнате висел — такой, в свитере; ну, ты знаешь. Скажи, как можно жить без «Снегов Килиманджаро» и «Прощай, оружие»? Я уж не говорю про Майн Рида и Вальтера Скотта — их совсем похоронили.

А что сын? Звонит иногда, обязанность исполняет. Ну, как в рекламе — позвоните родителям, ага. Воспитали, блин. Я, конечно, и сам виноват. Но досадно же!.. А мне пустота не страшна. Лежит денежка в банке, и процентов мне хватает. Еще и когда помру, лежать будет. А может, и пропью все.

— Неси еще коньку, — велел он официанту. — Будем Хемингуэя поминать.

БОГАТЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

В павильоне на рынке у храма в Северном висит объявление: требуется уборщица, зарплата — 80 рублей в час.

То есть, при полном рабочем дне ее зарплата в месяц — меньше 14000 рублей. Это если несколько павильонов в одном месте, и ты восемь часов подряд моешь чужие полы, таскаешь ведра и мусор. Без отпуска.

Зимой за квартиру — треть зарплаты. Одежда, обувь, которую съедает химия. Она — женщина, но косметика ей недоступна. И, не дай бог, какая болезнь. Моет она в перчатках, но вы руки ее видели?

Зуб заболел — вот и нет еще трети зарплаты. То есть, за квартиру и на зуб хватает, а на макарошки — нет.

С уборщицей подъезда моего дома мы иногда разговариваем, когда я гуляю с внуками, и на моих малявок она смотрит с умилением. Ее зовут Таня, она любит книги и смотрит каналы «Культура» и РБК. Таня очень разволновалась тем, как министр экономики объяснил снижение доходов россиян: мол, богатые стали жить хуже из-за падения доходов от счетов в банках и роста налога на недвижимость, а у бедных дела стабильны. Им в 2018-м повысили МРОТ и пособия на детей, да и бюджетникам к выборам дали премии за бедность. Хотя и с ними, по Росстату, реальные доходы россиян снизились на 0,2%.

— А они видели, почему нынче огурцы-помидоры? — удивляется Таня. — Я давно их не покупаю; жду лета.

Надеялась, было, на продуктовые карточки для бедных, но потом подсчитала их — 27 рублей в день, и постаралась забыть. А до пенсии Тане теперь далеко, но и тогда она будет подъезды мыть.

В детстве мечтала побывать за границей, особенно в Париже, но какой уж тут Париж... В Турцию? Это на какие же шиши?!

Одна радость — дочка-красавица. Она в Москву уехала поступать, иногда звонит, что все у нее хорошо, даже присылает изредка деньжат.

А богатых, сообщил Тане министр Орешкин, еще и санкциями прижали. Таню он разочаровал: такой молодой, симпатичный, а туда же. Понятное дело: зарплата у него совсем не та, что у нас здесь, внизу.

ФАТАЛИСТ

Я свою первую новогоднюю елку не помню, а вот для моего друга детства Олега она стала фатальной: елка трижды непосредственно участвовала в его судьбе.

В первый класс он пошел в сельскую школу под Воронежем. И там стал участником новогоднего представления: изображал принца, который едет на коне спасать свою суженую, принцессу. Ее изображала лучшая ученица, девочка Оля, которую злодей прятал за елкой. Она была потрясающе красива в своем новогоднем наряде, и все мальчишки их класса тогда влюбились в нее. А в кого влюбилась она, неизвестно. Может, и в Олега.

Школа была начальная, и родители Олега через три года переехали в Воронеж. Прошло время, он поступил в институт. И на вручении студенческих билетов услышал ее фамилию: она поступила в ту же группу! Но никак не показала, что узнала Олега. Хотя узнала, и это выяснилось через полгода, на студенческом новогоднем балу. Там они танцевали, открывничали, и он опять влюбился.

Два года они были парой, пока не наступил очередной Новый год и

очередная студенческая тусовка. На которой лучший друг сказал ему: чего ты за Ольку цепляешься? Уж ты-то всегда себе получше найдешь!

В присутствии елки эта фраза друга стала решающей, и Олег охладил к бывшей принцессе. А она не стала ничего выяснять и устраивать сцен — он же ей не муж.

Олег вскоре нашел себе красавицу и через год женился на ней. Оля тоже не осталась одна. Однако жизнь с красавицей не задалась, и Олег стал пить. Да так, что ни на одной работе не мог долго удержаться. В конце концов, жена развелась с ним — хорошо еще, что детей не завели.

Жизнь пошла пустая и ненужная; он даже просил в военкомате отправить его в какую-нибудь горячую точку. Но не сложилось. А однажды он случайно встретил на улице Олю, и они долго гуляли вдвоем. Оказалось, ее брак был тоже недолгим. Душевным было это бесцельное брожение, куда глаза глядят, — как будто они уже умерли, и теперь вспоминают свою земную жизнь: им грустно и легко, печаль их светла.

Он проводил ее домой, но расстались они нелепо, не вспоминая о будущем: ну, пока-пока.

На очередной Новый год Олег впервые за несколько лет принес домой елку и украсил ее предметами, имевшими хоть какой-нибудь символический смысл в его опустевшей жизни. Долго сидел за бутылкой водки, а потом, запьянев, пошел в магазин, купил там коньяк, шампанское и конфеты и поехал к Оле.

И там, возле новогодней елки, у них все сложилось. Слегка початая бутылка коньяка долго еще хранилась в шкафу.

У них теперь все хорошо, и я рад за своего друга.

Ностальгия

САЛЬВАДОР ДАЛИ И МЯСО

Начало 80-х — самые сумерки «застоя». Нечто как бы мрачное. Но время действует удивительным образом: все плохое тонет в Лете, а хорошее сохраняется. К тому же тогда и небо было голубее, и запахи ярче.

«ИНТУРИСТ» ЗВУЧИТ ГОРДО

В те годы инженеров и наладчиков с воронежского завода «Процессор» в разных городах СССР ждали, как родных: компьютеры наши были сырыми (шибко быстро делали — по велению Минэлектронпрома) и часто ломались. И мы сами порой выбирали, куда поехать в командировку, — Москва, Ленинград, Киев, Рига, Тбилиси, Калининград, Сочи... Вся страна была перед нами. В Москве, например, нас селили в гостиницы «Белград», «Центральная» и «Пекин» на Горького.

Довелось однажды жить даже в гостинице только для больших начальников. Администратор нам сообщил, что не могут они поселить простых наладчиков, и требовали указать какие-нибудь важные должности. В конце концов, меня записали так: «Главный инженер города Воронеж», а напарника — «Замдиректора горисполкома».

Могут ли при капитализме простые инженеры и наладчики жить в таких гостиницах? Да всей их зарплаты не хватит. И никогда мы уже не вернемся ни в «Белград», ни в «Асторию»...

И отовсюду мы везли домой горы снеди и подарков. Затариться нам помогали опекуны; в каждом большом городе у нас был свой человек,

которому мы ремонтировали компьютеры в первую очередь, а он обеспечивал нам гостиницы, трансфер и советы. Иногда опекуны, имена которых я помню до сих пор, и сами чем-то нас баловали: доставали нам книги, например, духи. Из Ленинграда я впервые в жизни привез жене французские духи «Диориссимо»; со временем это стало доброй традицией («Фиджи», «Кристиан Диор»). Из Киева, разумеется, всегда привозили настоящий торт «Киевский».

В последний день традиционных командировок в Москву у нас был отработанный маршрут: от Лубянки мы шли по Мясницкой на вокзал группой в три-четыре человека, заходя в каждый встречный магазин и, как саранча, скупали все, чем могли порадовать свои семьи: колбасу, конфеты, пепси-колу, сушеные вьетнамские бананы, шоколадки, апельсины, кофе растворимый, венгерские мороженые куры, игрушки, утки китайские, даже мясо — ночь в поезде оно могло пережить безболезненно.

К вокзалу мы добирались тяжело груженными, обвешанными, как будущие «челноки», сумками-баулами, зато полными предвкушения радости детей и удовольствия жен.

Гостинцы доставались и соседям, и они всегда готовы были к ответным алаверды, но и без гостинцев были нам почти родственниками; ныне таких душевных соседей, которым смело оставляют ключ от квартиры, где деньги лежат, и которые всегда готовы присмотреть за детьми или перетащить мебель, не бывает.

МЕЖДУ ДЖИНСАМИ И САПОГАМИ

В Ленинграде нас устраивали в гостиницы «Москва», «Астория» и т.п. Как раз после «Астории» мы с напарником и попали в совершенно позорную историю. Командировка получилась успешной, но весьма напряженной, и мы не успели затариться гостинцами для дома. Лишь в последний день судорожно заполнили по сумке замороженным мясом и едва успели в Пулково к своему рейсу. Сдали вещи в багаж, но случился облом: рейс наш откладывали и откладывали «по техническим причинам».

Ждать пришлось долго. Мы ловили объяснения по аэропорту, докупили в ручную кладь по шесть бутылочек пепси-колы, потом сходили пообедать в кафе по соседству, вернулись, и вскоре нас позвали на посадку. В самолете народ был измучен ожиданием; мужики ругали и погоду, и Аэрофлот, особенно негодовала молодая женщина с постоянно хнычущим младенцем.

Загудели двигатели, и перед взлетом стюардесса спросила: все ли забрали свой багаж с отмененного рейса? Это поразило нас с напарником. А что, надо было забрать?! Ну да, самолет же заменили. Похоже, это случилось, когда мы отходили пообедать.

Двигатели выключили, и Пулково принялось искать наш багаж. Нашли не сразу, и мы с напарником не поднимали глаз, чтоб нас не испепелило. А потом вдоль самолета покатали тележку с нашим багажом, и я эту картину вспомню и на смертном одре: на большой тележке, обитой цинком, лежали две жалкие, сморщенные окровавленные сумки, под которыми растеклась грязно-розовая лужа.

Все, занавес. Единственным утешением в той командировке стало вот что.

Мы тогда жили в знаменитой «Астории» — правда, с видом во двор, на мусорку. И ленинградский наш опекун предупредил: в универмаге

«Юбилейный» завтра выбросят импортные джинсы. Но встать надо затемно, чтоб очередь занять.

Дежурная разбудила нас в полшестого, и через час мы были у «Юбилейного». Тьма, с Невы дул пронизывающий ветер; мы обошли универмаг — ни души. Кой черт нас подняли в такую рань?

А потом из телефонной будки неподалеку вышел мужик и спросил: вы за джинсами? Тогда записывайтесь. Нашими номерами стали 56 и 57. А где народ? Да рассосались все — разве можно простоять на таком ветру до открытия.

Мы зашли в какой-то подъезд и пытались дремать на подоконнике, периодически выходя на разведку. Наконец из служебного входа универмага вышли люди и стали расставлять столы и коробки с товаром. К тому времени в очереди стояло не меньше двухсот человек. Очередь была толстая, жалась к стенам универмага и сильно распухла к голове; там уже начали скандалить, кто и когда занимал, и кого здесь не стояло. Появилась милиция и стала выдергивать из очереди тех, кто пытался пролезть вне списка.

В одном месте от стены отвалилось человек десять — их будто сжатой пружиной вытолкнуло, и отчаянные их попытки втиснуться обратно были безуспешны.

Торговля, между тем, началась, и по очереди загудело: сапоги, сапоги, сапоги...

Оказалось, «выбросили» не джинсы, а зимние финские сапоги по 90 рублей и осенние австрийские по 140.

Очередь уменьшилась, но не сильно. Почти все, кто стоял за джинсами, теперь стояли за сапогами. И мы стояли. Я переживал за размер — вдруг малы будут или велики. И вспоминал, как в Риге я купил заячью шубку для сына и даже во сне радовался, что везу ему такую классную вещь, и представлял, как обрадуется жена. Но шубка оказалась ему мала, и ее пришлось продать.

Но в тот раз мне повезло (кроме багажа в Пулково), и сапоги оказались в самый раз. И вообще, все неприятности отваливаются, когда уже дома, в Воронеже, взбираешься с сумками на четвертый этаж своей хрущовки, а там тебя давно ждут, и сын уже раз десять спросил: когда папа придет?

Дверь распахивается, и наступает один из лучших эпизодов в жизни.

Ну, а к сапогам, пепси-коле и мясу — настоящие французские духи «Сальвадор Дали». Вишенкой на торте.

А что, приятно вспомнить.

Ностальгия

ЙЕНА, ПАРАДОКСОВ ДРУГ

Путешествие в страну развитого социализма

Попасть в кадровый резерв на заграникомандировки было мечтой любого советского инженера. И в 84-м году эта мечта для меня сбылась: посылают в ГДР на два года с семьей — обслуживать вычислительные комплексы воронежского завода «Процессор» на предприятии «Карл Цейс — Йена». ГДР по престижности командировок стояла на втором месте после Финляндии. Моего друга определили в Польшу на два года, тоже с женой и ребенком, и они к этому готовились со всею приятностью.

Поездка наша зависла: врачи не желали выпускать за границу 5-лет-

него Сашка — диатез, а взятки давать мы не умели. Больше года мыкались по врачам и даже смирились, что не поедем, стали ждать второго ребенка, а потом вдруг проблемы разрешились, и нам включили зеленый свет.

С ГОЛОДНОГО КРАЯ

На вокзале Воронеж-1 нас провожали в Москву родители и друзья. Вздыхали, поглядывая на живот сильно беременной жены моей, и на Сашку, которого обе бабушки с полным на то основанием называли шилом. Теща сказала Оле, утирая слезу: на муки едешь... Родители наши боялись, особенно «недобитых фашистов»; мол, зарежут в роддоме. И мы обещали им, что рожать Оля будет в больнице советского гарнизона в Йене.

В Москве действительно были муки. Например, мы не смогли купить там вечером молока для каши сыну — нету-с. А толстую папку документов, которая целый год была барьером на пути нашем в ГДР, в министерстве и смотреть не стали — просто смахнули со стола в ящик, и дело с концом.

Напряг кончился в Берлине, будто шторы отдернули. В воскресенье мы бродили по городу, разглядывая витрины закрытых магазинов и чувствовали себя, как в Цветочном городе из «Приключений Незнайки». Бездна отделяла нас от родного Воронежа, где мы затемно вставали в очередь за маслом и молоком у закрытого гастронома, ездили в спецмагазин за докторской колбасой и гречкой — по рецепту врача для тещи, которой «повезло» быть диабетиком; здесь же проблема была в другом — как сориентироваться в изобилии. Не только с едой, но и с одеждой-обувью, и вообще.

Уже потом, когда мы вернулись домой с новым человечком, лапушкой-дочкой, к жене постоянно подходили люди знакомые и не очень — насчет того, чтоб им подарили или продали детские вещи, когда сын и дочь вырастут из них. Мы и сами надолго приоделись, и отправляли в Воронеж посылки. Шли они, как и письма, месяцами и добирались потрепанными, а то и обкраденными. Либо вовсе не доходили.

«Карл Цейс» поселил нас в трехкомнатной квартире — неслыханная роскошь для советского инженера, привыкшего жить с женой, ребенком и родителями жены в двухкомнатной хрущовке (и ведь это не казалось теснотой!); в немецкой трешке мы поначалу просто терялись.

НЕ НАДО КРИЧАТЬ!

Коллеги-немцы в лаборатории завода удивлялись нашему намерению рожать в гарнизоне — да что вы, у нас прекрасная клиника! И в конце концов убедили. Роддом оказался совсем иным, чем воронежский. Когда начались роды, и я по бумажке вызвал скорую, приехал один водитель и удивился моему желанию сопроводить жену. Но не возражал. Довез, и медики увели ее. А мы с сыном поехали домой, и оттуда я регулярно названивал по бумажке в клинику: ну, как, мол?

Когда родился ребенок, мне не сказали, сын или дочь — там это не принято, а предложили навестить жену, и я удивился: что, стоять под окнами и кричать: Оля! Оля! Ну, как? Оказалось, можно пройти в палату к жене, а на новорожденную девочку посмотреть через стекло в специальной палате, где все стерильно.

Поразительно, но в том роддоме я не слышал криков женщин. Почему-то не орут они благим матом, как наши. И не лежат в постелях, страдая: медсестры велят им ходить по коридору туда-сюда. Но по камерам неотрывно за ними следят и, чуть что, кладут под приборы и проверяют, не пора ли.

В лаборатории «Карл Цейса» нам рассказали, что роды бывают тяжелыми, и без криков с благим матом не обходится, но в основном хороший уход и присмотр максимально облегчают стресс и боли.

Роды прошли прекрасно. Носить что-нибудь вкусненькое в роддом пришлось: жена отказалась. Всего ей хватает. Немецкого куратора я спросил, что дарят в роддоме при выписке женщин, и он удивился: ничего. Я настаивал. Нет, вы можете принести торт или шоколадку, но вообще-то у нас так не делают. Но мы сделали, и ничего.

Потом уже одна немка из нашей лаборатории ушла в декрет, а через месяц после родов вышла на работу. Мы с напарником пристали к ней: Зигрюнд, а что, у вас нет послеродового отпуска? Есть. А зачем вы на работу вышли, если отпуск оплачивают?!

Ответ ее меня потряс: ну, я же не смогу обеспечить ребенку такой уход и присмотр, какой будет у него в яслях.

Мы не раз видели в Йене, как детишек гуляют в специальных тележках по шесть человек, и на каждую группу — нянечка и воспитатель.

Еще один штрих: мы с женой на двоих вылечили в йенской клинике одиннадцать зубов, и почти все пломбы стоят до сих пор. После советской стоматологии, с муками лишившей нас почти стольких же зубов, мы выразили восхищение переводчице, но она огорошила нас: да что вы, в ГДР по сравнению с ФРГ стоматология — каменный век...

А какой же век был в СССР, где бормашина воспринималась как орудие пыток?

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

В Йене мы регулярно общались с десятком русских женщин, вышедших замуж за немцев. Все эти дамы были разведены, но ни одна не стремилась вернуться на родину. Их дети были немцами, и государство обеспечивало им и их матерям комфортную и безмятежную жизнь — жильем, пособиями, льготами и прочими знаками внимания. Они иногда оставляли нам своих детей, а взамен помогали нам общаться с соседями и прочим окружающим миром, вплоть до полиции, — не может же официальная переводчица сопровождать нас круглые сутки.

Два года прошли, и начальство «Процессора» уговаривало нас с напарником остаться еще на два — им меньше хлопот с переоформлением, да и немцы были довольны работой нашей. Но бабушки и дедушки детей наших ныли, что им жизнь без внуков не мила, а еще на родине начались тектонические сдвиги — перестройка, ускорение и гласность; мы жадно слушали новости, и хотелось домой, в гущу. Но если б остались, попали б в другие катаклизмы — падение Берлинской стены, объединение Германии, и куда б занесли «зовьетише шпециалистен» те события, никому не ведомо.

Мы до сих пор иногда вспоминаем те два года в Йене — один из лучших периодов в нашей жизни.

Как пишут в романах: ты хотел бы пережить это время еще раз?

Да.